

Леонид И. Маляров
Лев Лурье
Ленинградский фронт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4567661

*Лев Лурье, Леонид Маляров. Ленинградский фронт: БХВ-Петербург; Санкт-Петербург; 2012
ISBN 978-5-9775-0749-3*

Аннотация

В 1941 – 1944 годах на берегах Невы произошла одна из крупнейших в истории человечества гуманитарных катастроф. Миллион мирных граждан, в основном женщин и детей, умерли от голода, холода и бомбежек в блокадном Ленинграде. Еще полтора миллиона красноармейцев и солдат вермахта погибли в битвах за город. В течение многих десятилетий «правду» о войне писали генералы и политработники. В середине 2000-х годов петербургский «Пятый канал» предпринял попытку опросить еще оставшихся рядовых блокадников и фронтовиков. Были взяты около сотни интервью. В 4-серийный документальный фильм «Ленинградский фронт» вошла только малая их доля. В этой книге авторы попытались дать слово всем.

Для широкого круга читателей.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	7
Глава 2	39
Глава 3	65
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Лев Лурье Леонид Маляров Ленинградский фронт

Предисловие

В 2005 году к 60-летию Победы телекомпания «Петербург – Пятый канал» затеяла амбициозный проект – четырехсерийный документальный фильм, посвященный Ленинградской битве.

Тем, кто интересуется историей Второй мировой войны, известно, насколько она обогатана и плохо изучена. Советские историки знали свое дело, но существовали в системе жестких табу и обязательных цитат. После падения советской власти академическая наука деградировала. На смену профессионалам пришли дилетанты, иногда очень способные. Книжный рынок забит сенсационными исследованиями Второй мировой. Иногда это весьма интересные работы. Но они, как правило, основываются на давно известных материалах. Новая волна историков-любителей почти не пользуется архивами и не знает западной литературы.

Поэтому, создавая фильм о Ленинградской битве, мы пользовались различными и максимально достоверными источниками. Помимо разнообразной исторической литературы, мы исследовали материалы архива ФСБ Санкт-Петербурга и архива Министерства обороны. Консультировались с историками, как российскими, так и зарубежными – немцами и финнами. Неоценимую помощь оказал нам крупнейший знаток блокады доктор исторических наук Никита Ломагин. Но главным источником для создания фильма послужили воспоминания ветеранов – участников битвы за Ленинград, а также блокадников и жителей оккупированных территорий. Мы записали около сотни интервью. В тот момент наши респонденты были уже глубоко пожилыми людьми и многих из них за последние годы не стало. Поэтому данная книга в некотором смысле является возвращением им долга. Ведь в фильм не вошла и десятая часть того, что они рассказали.

Фильм «Ленинградский фронт» вышел на экраны в мае 2005 года и уже спустя годы рейтинг картины обычно был выше, чем у канала в целом. Успех фильма¹, несомненно, связан и с выбором ведущего – петербургского человека-оркестра Сергея Шнурова, лидера группы «Ленинград». Это была его первая работа в качестве ведущего фильма и он, что называется, сам нас нашел. Оба его деда и бабушка воевали на Ленинградском фронте. Сергей хотел больше о них узнать и воздать дань памяти всем ветеранам, отстоявшим Ленинград. В тяжелейших условиях, практически бесплатно он вместе со съемочной группой исколесил всю Ленинградскую область и часть Финляндии. Шнуров написал для фильма потрясающую музыку и замечательно спел «Волховскую застольную» Павла Шубина.

После выхода фильма у нас было ощущение, что мы многое недорассказали. Вместе и отдельно в разных форматах мы снимали фильмы и программы о трагедии 2-й ударной армии, о танковом асе Зиновии Колобанове, о короле танков Исааке Зальцмане, о строителе «дороги смерти» Иване Зубкове, о Зимней войне, о сражении у острова Сухо, об оккупации,

¹ «Ленинградский фронт». 2005 г. ТРК «Петербург – Пятый канал». Генеральный директор – Марина Фокина; главный продюсер – Александра Матвеева; идея – Лев Лурье; сценарий – Лев Лурье, Леонид Маляров; главный редактор – Ирина Малярова; главный режиссер – Игорь Безруков; оператор – Игорь Юров; режиссер монтажа – Елена Копалкина; редакторы – Леонид Маляров, Евгений Мороз, Дмитрий Журавлев; главный консультант – Никита Ломагин.

о битве при Гайтолово, о схватке советских и немецких спецслужб. В этой работе кроме авторов данной книги неизменно участвовала редактор и сценарист Ирина Малярова.

В процессе работы мы многое узнали, отказались от различных иллюзий и мифов, внушаемых со школьной скамьи. Трагедия Ленинграда – и страшная история, и культивируемый сверху миф. Сам термин «героическая оборона Ленинграда» возник на исходе блокады непосредственно в Смольном. Ленинградское руководство, как и их шефы в Москве, «проспали» наступление немцев, довели город до блокады. Сталин прямо приказывал командованию Ленинградского фронта сдавать Ленинград. Балтийский флот подлежал уничтожению. Все значимые городские объекты были заминированы. Однако Гитлер решил взять город измором. Так что героическая оборона была во многом вынужденной.

Существует стойкий миф о том, что город выстоял благодаря генералу армии Георгию Жукову. Но каждый, даже поверхностно знакомый с документами, знает – 17 сентября по заранее подготовленному плану немцы начали отводить свои танковые соединения под Москву. Ввязываться в городские бои они не хотели, понимая, что это чревато огромными потерями. Немцы выполнили свою задачу – блокировали Ленинград. Обрекли, как им казалось, все население на неизбежную голодную смерть. Действия Г. Жукова мало отличались от работы К. Ворошилова. Так называемые «жуковские десанты» неизменно заканчивались неудачей и большой кровью. И как раз в период его руководства немцы взяли Петергоф, отрезав Ораниенбаумский плацдарм.

Мифом является и представление о том, что ленинградцы единодушно любой ценой стремились отстоять город. И наши материалы, и обстоятельное исследование Никиты Ломагина «Неизвестная блокада» демонстрируют другую картину. Понимая, что всех ждет мучительная и неизбежная смерть, многие надеялись, что немецкая оккупация будет меньшим из зол. Вторая мировая война знала такие случаи: Париж был объявлен открытым городом. А старшее поколение помнило Брестский мир, когда отдав территории, Ленин спас и Россию, и советскую власть. Пораженческие настроения, грозившие перерасти в бунт, пошли на убыль только когда голод притупил все чувства и не оставил сил на борьбу. Были и те, кто пользовался блокадой для личного, порою неслыханного обогащения.

Однако, очевидно: если бы большинство ленинградцев были такими, город неминуемо бы пал. Чувство собственного достоинства и патриотизм горожан стали решающим фактором в конечной победе Ленинграда.

Можно корить ленинградское партийное руководство за разные огрехи. Но все же оно не потеряло управление городом и главное – уже ранней осенью догадалось, какое значение может иметь Ладога для выживания Ленинграда. Впрочем, ледовая дорога поначалу использовалась не для спасения людей, а для вывоза оборудования ленинградских заводов и оружия. Если бы массовая эвакуация жителей началась в декабре, а не в феврале, можно было бы спасти жизни еще порядка 300 тысяч ленинградцев.

Что касается битвы за Ленинград, действия командования Ленинградского и Волховского фронтов часто поражают своей бессмысленной жестокостью. Война под Ленинградом больше напоминала не маневренную Вторую мировую, а позиционную Первую мировую. И каждая попытка штурма немецких оборонительных сооружений заканчивалась новым Верденом.

Ситуация на Ленинградском фронте коренным образом изменилась только после Сталинграда. Немецким военачальникам стало очевидно: войска группы армий «Север» не имеют ни определенных задач, ни перспектив. Фактически блокада Ленинграда была прована Дорогой жизни. А в январе 1943 года, благодаря самому талантливому и профессиональному из военачальников Ленинградского фронта Леониду Говорову, ее удалось прорвать и на земле.

Дальнейшие события на Ленинградском фронте напоминают две судьбоносные русские победы. Осенью 1480 года татаро-монголы последний раз пытались взять Москву, простояли несколько дождливых месяцев на берегах подмосковной речки Угры и ушли обратно. Растворились в степи сами по себе. И, конечно, чудо 1812 года. Когда взяв Москву, казалось бы, победоносный Наполеон вдруг позорно бежал восвояси.

С января 1943-го по январь 1944-го пролились реки солдатской крови в тщетных попытках отбросить немцев дальше от Ленинграда. Командование группы армий «Север», в свою очередь, умоляло фюрера разрешить отход 16-й и 18-й армий к Пскову, за линию «Пантера». Поэтому, когда в январе 1944 года советские войска перешли в решительное наступление, немцы бежали с невероятной скоростью. Но только до оборонительной линии «Пантера».

Множество мифов, советских и постсоветских, существует на тему оккупации Ленинградской области. В реальности ситуация представляется гораздо более сложной, нежели в учебниках. Оккупанты были разные: вермахт, СС, немцы, финны, испанцы, эстонские и русские полиция. Жизнь в Вырице и Пскове была непохожа на то, что испытали жители Пушкина, Павловска, Петергофа. Были отдаленные деревни, где немцев практически не видели. Большинство населения не могло не радоваться роспуску колхозов и открытию церквей. В 1942 году крестьяне Ленинградской области собрали рекордный по сравнению с довоенным временем урожай.

Но конечно, нацисты считали славян недочеловеками. Население поняло это не сразу. Ситуация обострялась постепенно, по мере вывоза молодежи в Германию, массовых реквизиций продовольствия и расстрелов заложников. Важную роль здесь сыграло партизанское движение, которым руководили из Ленинграда, и диверсионные группы НКВД, которые сознательно провоцировали конфликт между оккупантами и мирным населением.

Оборона Ленинграда имела свое продолжение и после войны. Стремительно поднявшаяся в верха ленинградская группировка была заинтересована в создании образа Ленинграда, как Трои новейшей истории. Разумеется, особый героизм ленинградцев объяснялся умелым руководством Смольного. Однако в 1946 году Сталиным были приняты три знаковых решения: снят с понижением и ошельмован маршал Жуков, отменено празднование Дня Победы (вместо него неожиданно праздником стал Новый год) и значительно приглушено воспевание подвига Ленинграда, да и всех остальных городов тоже. А после таинственной смерти Жданова в 1948 году физическому уничтожению подверглась и вся верхушка ленинградского партийного руководства. За «неоправданное выпячивание» героизма ленинградцев можно было поплатиться головой.

Блокадный миф о стойкости и победе под руководством коммунистической партии начинает возрождаться со времен Хрущева. Он был официальным и холодным. Имена генерала Симоняка, партизана Германа и Лизы Чайкиной, как правило, ничего не будили в сердце потомков. Правда о страшных годах передавалась из уст в уста. При Брежневе с большим трудом, с огромными купюрами вышла «Блокадная книга» Д. Гранина и А. Адамовича. Наследие Ольги Берггольц лежало под спудом.

После того как коммунистические мифы ушли в прошлое, начали появляться воспоминания: Д. Лихачева, Д. Гранина, Л. Гинзбург, Л. Осиповой, многих других фронтовиков и блокадников. Но по-настоящему большой объективной монографии по истории Ленинградской битвы до сих пор нет. Надеемся, наша книга может стать одним из источников для такого сочинения.

Глава 1

Вторжение

21 июня 1941 года в 22 часа солдаты и офицеры группы армий «Север» были выстроены поротно в лесах Восточной Пруссии. Командиры зачитали приказ Гитлера: «Под гнетом тяжелых забот, будучи обреченным на многомесячное молчание, я, дождавшись своего часа, обращаюсь к вам, мои солдаты! Начинается наступление, по своим масштабам и протяженности крупнейшее из всех, которые когда-либо знал этот мир. В союзе с финскими дивизиями, плечом к плечу стоят наши товарищи – победители Нарвика у Северного Ледовитого океана. Вы стоите на Восточном фронте. Судьба Европы и будущее Германского рейха, существование германского народа отныне всецело в ваших руках».

На рассвете 22 июня по всей линии советско-германской границы началось немецкое наступление. Захват Прибалтики, а затем Ленинграда молниеносными ударами с севера и юга – первоочередная задача гитлеровского плана «Барбаросса». После соединения с финскими войсками Балтийское море должно было стать внутренним озером Германии. К тому же Гитлер придавал взятию Ленинграда мистическое значение.

Адольф Гитлер: «Имя может придать географическому месту значимость. С захватом Ленинграда, большевиками будет утрачен один из символов революции и может наступить полная катастрофа».

Вермахт – лучшая армия мира, армия спортсменов и техников. Машина, отлаженная в каждой детали. Рядовые имеют десять классов образования. В строевых частях плечом к плечу земляки и одноклассники, пруссаки, померанцы, вестфальцы. Эти части за два года войны не знали поражений. Они захватили Польшу, взяли Париж, подняли знамя со свастикой на горе Олимп. Для них Восточная кампания – короткая экспедиция в дикую страну, поход Европы на Азию. Русских следует уничтожить или приучить служить Великой Германии.

Командовал группой армий «Север» один из лучших и самых опытных полководцев фюрера фельдмаршал Вильгельм фон Лееб.

ДОСЬЕ:

Фельдмаршал Вильгельм фон Лееб, 65 лет. Истовый католик, аскет. В 1900 году брал Пекин. В Первую мировую войну успел повоевать и на Восточном, и на Западном фронте, за храбрость награжден рыцарским титулом. Ведущий теоретик современной войны. Работа фон Лееба «Оборона» использовалась при написании полевого устава Красной армии. Под его командованием немецкие войска оккупировали Чехию, прорывали во Франции линию Мажино. К нацистской идеологии критичен, находился под наблюдением гестапо.

Немецкая группа «Север» состояла из двух армий – 16-й и 18-й. В подчинении фельдмаршала Лееба 1500 танков, 725 тысяч солдат, 760 боевых самолетов. 16-я немецкая армия двигалась к Таллину, 18-я – к Луге.

С первых же дней войны советские войска терпели тяжелые поражения. Немцы почти безболезненно прошли Литву и сходу взяли мост через Западную Двину в районе Даугавпилса. С тыла позиции Прибалтийского фронта прикрывала оборонительная линия, построенная в 30-е годы на границе Латвии и Эстонии. Однако 4 июля немцы ворвались в город Остров – ключевой узел оборонительной линии. 9 июля фашистские танки на улицах Пскова. В то время Псковская область входила в состав Ленинградской, поэтому можно ска-

зять, что с этого момента начинается битва за Ленинград. Немецкие войска за один день с боями проходили свыше 30 километров. До Ленинграда оставалось всего 280 километров. К 20 июля немцы планировали взять город. Никто тогда не мог представить, что битва за Ленинград станет самой долгой и кровавой в истории Второй мировой войны.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Мельников Владимир

Застала меня война в Солнечногорске, под Москвой. Там находился танковый полигон бронетанковой московской академии. Я служил радистом в учебном полку. 22 июня нас ночью подняли по тревоге и сообщили, что началась война. 24 июня наш отдельный танковый батальон погрузили на платформы и отправили в Латвию оборонять Ригу, но в дороге мы встретили немцев. 26 июня около реки Даугава (город Дагда) начался мой первый бой. Наш батальон вошел в состав 46-й танковой дивизии² полковника Копцова. С этой дивизией мы и отступали на Сушево, Себеж, Опочку. Наш Т-26 подбили, командир мой лейтенант Ларионов погиб, а меня, благодаря тому, что между мной и командиром стоял стальной гильзоулавливатель, только контузило. Танковая дивизия за два дня была уничтожена. Нашу танковую роту уничтожил по существу собственный командир, капитан Кузнецов. Он не знал обстановки, не ориентировался по карте, водил вокруг леса кругами. А в это время немцы нас расстреливали. Из моих товарищей мало кто остался жив. Я со станции Сушево эшелоном выехал в Ленинград. Всю дорогу бомбили немцы, в Старой Руссе меня ранило в ногу. Но я на это не обращал внимания, я ехал домой, в город свой родной. В Ленинград.

Баранов Иван

Я родился в деревне в Вологодской области, работал на заводе в Ленинграде, оттуда был призван на действительную службу. Начало войны застало меня в Риге. Я служил на Балтике в 41-й авиационной эскадрилье³. Нас бомбили уже ночью 22 июня. Мы отступали. Это позорно было для нас. Нам вслед люди кричали нехорошие слова: «Что же вы?» По приказу мы отправили из города самолеты, подорвали часть своих объектов и имущества, а сами (команда катерников и водолазов во главе с капитаном Гайдукевичем) отправились на катерах в Таллин, но встретили фашистские подводные лодки, были обстреляны и вынуждены высадиться.

Отремонтировав свои катера в Балтийском порту, решили идти в Таллин. Там бомбили, один корабль с гражданским населением погиб у нас на глазах: наши катера спасали утопающих целые сутки.

А в это время 41-я эскадрилья прибыла под Кингисепп, на озера Липовое и Белое. Когда мы с нею соединились, уже начались настоящие боевые действия. Постепенно отступали до Ленинграда.

Морозов Михаил

² 46-я танковая дивизия сформирована в марте 1941 года в Московском военном округе. На 22 июня 1941 года дислоцировалась в Опочке. В составе действующей армии – с 22 июня по 2 сентября 1941 года.

³ 41-я отдельная разведывательная авиационная эскадрилья ВВС Балтийского флота, в 1941 году базировалась на озере Киш близ Риги. Участвовала в боевых действиях против наступающих на Ригу войск противника до 30 июня 1941 года, затем перебазировалась в район Ораниенбаума.

21 июня 1941 года наш линкор «Марат»⁴ из Кронштадта пришел в Таллин. Дали команду личному составу: желающим сойти на берег – записаться. А мы с прошлого года не были в Таллине. Город нам очень нравился. Записались, поступил сигнал приготовиться. Приготовились. Ждем построения. Время идет, построения нет. Два часа – молчок, три часа – молчок. В четыре часа заиграл походный сигнал вахтового. Весь личный состав в недоумении. Как так? Куда? Только пришли – опять уходить. Ну, мы занимаем свои посты. Наше дело – что? Прогреть машину в первую очередь, а кочегарам приготовить котлы. Снимаемся с якоря, уходим. Часов около трех приходим в Кронштадт, становимся на большой рейд. Заняли боевые посты. В холодильном отделении у нас красота – свету много, тепло. Нас шесть человек.

И где-то часа в четыре – автоматы зенитные. Воздушная тревога сыграла. Вдруг – в корме удар. Не успели опомниться от этого удара – и еще удар, над нами. Я доложил, что слышал взрыв в корме. И сразу – еще взрыв. Со мной рядом. И свет гаснет, меня кверху поднимает, трубку телефона из рук вырывает. Закрепил трубку в темноте, докладываю, что слышал взрыв на правом холодильнике. Мне отвечают: «Свяжись с правым холодильником, у нас с ними связи нет».

После боя только восстановилось все, что произошло в тот день. Как раз в четыре часа утра наши сигнальщики заметили группу самолетов над фарватером, которые сбрасывали что-то на парашютах. Доложили командиру. Командир корабля – в штаб. (Штаб на аэродроме.) Аэродром отвечает, что все самолеты на месте. Никаких полетов нет. И вдруг с одного самолета груз взорвался. Оказывается, они сбрасывали мины на парашютах. Зенитчики открыли огонь по самолетам. Вот так началась война. В общем, «Марат» первым и принял войну.

⁴ Линкор спущен на воду 27 августа 1911 года под названием «Петропавловск». Участвовал в Первой мировой войне. Именно на «Петропавловске» началось Кронштадтское восстание 1921 года. 31 марта 1921 года линкор переименован в «Марат».

Морозов Михаил

Казаев Петр

Месяца за два до начала войны, как только сошел лед, у нас на Балтийском флоте (и по всем флотам) начались учения. Помню, 25 мая 41-го года я смотрел открытие Петергофских фонтанов. Это было мое последнее увольнение на берег, после него до начала войны я на берег не сходил, все время проводились боевые подготовки. Увольнение личного состава запретили. Нарком Военно-морского флота Кузнецов объявил по всем флотам готовность номер один. Многие базы сухопутных войск пострадали от неожиданного нападения, сухопутные войска несли большие потери. А из военно-морских баз флота ни одна в начале войны не пострадала. Ни один корабль не пострадал, потому что все были готовы к бою.

Начало войны застало меня в Кронштадте, в должности командира «морского охотника» за подводными лодками. Еще никто не знал о начале войны, а мне уже пришлось в три часа ночи с 21-го на 22-е провести бой с самолетами противника. Меня послали в дозор, в район Шепелевского маяка (между островом Сескар и Выборгским заливом, это точка перекреста фарватеров). В три часа ночи увидел, что со стороны Финляндии летят три самолета в сторону Кронштадта. Запросил опознавательные, опознавательные не ответили. Один попытался пикировать на меня. Я приказал открыть огонь. Самолет задымился. Тогда они повернули и ушли в сторону Финляндии. Таким образом, до Кронштадта я им не дал долететь.

Меня к 12 часам дня отозвали, пришел на Кроншлот, иду докладывать командованию, что провел бой с самолетами противника. Сам сомневался еще тогда. Думаю, боже мой, как докладывать? А ну как своего сбил? Но тут объявляют о начале войны. Все, отлегло. Начальство мои действия признало правильными, поблагодарило: молодец. Вот так началась для меня война. За первые два месяца мой «морской охотник» только в подобных одиночных боях сбил три самолета противника.

После падения оборонительной линии вдоль старой советской границы 1939 года, так называемой «Линии Сталина», между Псковом и Ленинградом не оставалось никаких серьезных оборонительных рубежей. Город давно готовился к нападению. Но не с юга, а с севера. Кадровые части, обстрелянные в Зимней войне, располагались вдоль финской границы. 25 июня 1941 года советская авиация нанесла бомбовый удар по аэродромам Финляндии, которая формально еще не находилась в состоянии войны с Советским Союзом. Финны активных боевых действий не предпринимали, и часть советских войск перебросили на юг, навстречу немецким армиям. Но 10 июля, на следующий день после взятия немцами Пскова, финские войска, под командованием маршала Маннергейма, перешли в наступление. Для них путь на Ленинград вдвое короче, чем для немцев – 120 километров.

Маннергейм был крайне недоволен приказом Гитлера, особенно словами о том, что немцы стоят плечом к плечу с финскими дивизиями. Он заявлял: «Рейхсканцлер своей формулировкой не посчитался с международно-правовыми реалиями, не говоря о том, что явно забежал вперед». В переговорах с послом Германии Маннергейм говорил: «Мы ничего не желаем завоевывать, и Ленинграда тоже». На международной арене Финляндия тяготела к Англии и США. С самого начала бывший генерал русской армии скептически оценивал шансы Гитлера на победу во Второй мировой войне. Главная цель Маннергейма – добиться независимой Финляндии в границах 1939 года как можно меньшей кровью. Советская бомбардировка 25 июня не оставила Финляндии шанса отсидеться в стороне. Всю страну охватила жажда реванша за территории, потерянные в результате Зимней войны. Финские националисты требовали большего – захвата советской Карелии. В Хельсинки, у здания парламента проходили бурные манифестации. Самый популярный лозунг – «Свобода Карелии и Великая Финляндия». 10 июля 1941 года маршал Маннергейм принял должность главнокомандующего. В его приказе о наступлении говорилось: «Свобода и величие светят нам».

ВОСПОМИНАНИЯ:

Кашин Иван

До войны я жил в Малой Вишере, под Ленинградом. На второй день войны мы, комсомольцы, двинулись в военкомат, чтобы нас призвали на фронт. Мне было 14 лет, другим мальчишкам примерно также, но ростом я походил на семнадцатилетнего. Паспорта у меня еще не было. В военкомате спрашивают: «Сколько вам лет?» Я говорю: «17 на днях исполняется». Меня направили к врачу. Врач осмотрел, улыбнулся и говорит: «Годен». Вот так я попал в армию.

Из комсомольцев сформировали отряд в 300 человек, и отправили нас строить аэродром между поселком Койвисто и Выборгом. Мы валили деревья, выкорчевывали корни и ровняли землю. Почти два месяца работали. А потом финны двинулись на нас. Была мясорубка такая, что не передать. Всем, кто работал на аэродроме, был отдан приказ – отступать, а наш комсомольский отряд оставили прикрывать отступление. Вот там я и принял первый бой.

У нас были автоматы и винтовки – и все. Финны нас окружили, выбраться не было возможности. Когда нас взяли, раненых разместили на площадке, а убитых – сбросили в траншею. Я был ранен. К каждому стал подходить финский капитан. Что-то спрашивал. А когда ко мне подошел, я плюнул ему в лицо. И вот это меня спасло. Финны накинули петлю мне на шею, а веревку привязали к машине и поехали, но я успел подсунуть под петлю руки. В какой-то момент от боли я потерял сознание и шофер решил,

что я мертв. Меня сбросили в канаву мертвого, а я был живой. Шрамы на шее остались у меня на всю жизнь.

Ночью я пришел в себя и стал пробираться к своим. Десять дней шел. Без пищи, без всего. Что было в лесу, тем и кормился. Дошел до Белоострова, а там река широкая. Я – через реку, поплыл, но сил не было, стал тонуть. Меня спасла девушка. Помогла дойти до своего дома в Белоострове и стала лечить. И уже поправившись, я снова побрел к своим. Там меня проверили и отправили воевать под Красный Бор.

К 1941 году Ленинград – второй по величине город страны: 3,5 миллиона человек. Крупнейший центр оборонной промышленности. После 1918 года, когда правительство переехало в Москву, город сильно «ощипали». В Москву отправлена большая часть императорских сокровищ, Академия наук, многие издательства, на рубеже 20–30-х гг. варварской чистке подвержены Эрмитаж, великокняжеские и императорские резиденции. Ленинградские большевики, – те, кто делал революцию 1917 года, трижды испытали на себе уничтожительные кампании: в 1926 году, когда Григорий Зиновьев проиграл войну со Сталиным; в 1934-м, после загадочного убийства Кирова; и в 1937-м. Тем не менее, ни Сталин, ни Гитлер не рассматривали Ленинград как провинцию.

Во главе ленинградской партийной организации с 1934 года Андрей Александрович Жданов. При этом Жданов – член Политбюро ВКПб, Секретарь ЦК и Председатель Верховного Совета РСФСР. Поэтому повседневное руководство городом он передоверяет своим заместителям Алексею Кузнецову, Якову Капустину и председателю Исполкома Петру Попкову.

Жданова война застала на отдыхе в Сочи, где он несколько дней безуспешно ожидал вызова в Москву к Сталину. Однако Сталин приказал ему немедленно отправляться в Ленинград без заезда в столицу. Жданов хорошо понимал, что это могло означать опалу. С 1939 года он считался одним из самых пылких сторонников союза с Германией. Именно Жданов, будучи с 1935-го членом Военного совета Ленинградского военного округа, был персонально ответственен за подготовку города к обороне. Только 1 июля 1941 года состоялось первое заседание Комиссии по вопросам обороны Ленинграда под председательством Жданова.

Верховное командование защите Северной столицы уделяет особое внимание. 11 июля в Ленинград прибыл литерный поезд маршала Ворошилова. Ему поручено командование обороной Ленинграда.

После финской кампании, Ворошилову ответственных дел не поручали. Теперь у «первого маршала» появился шанс вернуть былую славу и стать спасителем Ленинграда. Ворошилову подчинены войска Северного фронта, которые растянулись от Ленинграда до Мурманска, Северо-Западного фронта, беспорядочно отступающего к Таллину и Луге, Балтийского и Северного флотов. И этого слишком мало, чтобы отразить удар с юга. Что мог противопоставить Ворошилов немцам? Кадровые части выбиты в приграничных сражениях. Войска состоят в основном из новобранцев – деревенских парней, никогда не бравших в руки оружия. Большинство командиров – недавние выпускники училищ. Меж тем, по Киевскому шоссе от Пскова к Луге приближалась 4-я танковая группа Гепнера – боевой кулак группы «Север». На реке Плюссе немецкие танки столкнулись с частями Красной армии и неожиданно получили отпор.

ДОСЬЕ:

Маршал Ворошилов Климент Ефремович, 60 лет. Родился в крестьянской семье. Образование: 2 класса земской школы. После Октябрьской революции – один из организаторов ВЧК, член Реввоенсовета. В 1918 году во время боев за Царицын сблизился со Сталиным. В 1925 году – глава военного наркомата. С 1936 года участвовал в чистках комсостава Красной армии. Во время большого террора при его участии репрессировано 40 тысяч кадровых командиров. За неудачи в Советско-финской войне в 1940 году снят с поста наркома обороны. По отзывам современников, сочетал личную отвагу и решительность со слабым знанием стратегии и тактики. В июле 41-го назначен главнокомандующим войсками Северо-Западного направления.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Муштаков Порфирий

Начало войны я встретил в Лужском лагере, где располагалось Первое Ленинградское артиллерийское училище. Я там преподавал топографию и приборы.

На фронт я попросился добровольно, вместе с друзьями – лейтенантами Володей Дубовым (он погиб под Тихвином) и Филиппом Шелегом. Начальник Артиллерийского училища вручил нам предписания, пожал крепко руки, и мы, каждый с маленьким чемоданчиком и шинелью, отправились. Мама со мной попрощалась и дала соли: «Сынок, соль возьми, пригодится!» И действительно, мама оказалась права. Так пригодилась потом соль!

Меня назначили командиром гаубичной батареи. Было тяжело, потому что немецкая авиация господствовала. Пригнали к нам коней, а тут бомбежка – и кони разбежались, со слезами пришлось собирать. Часа два по всему

лесу их искали. Наконец собрали и начали упряжки создавать, торопились, потому что уже и орудия привезли. Солдат пришлось обучать, как окоп выкопать, как орудие проверить перед стрельбой. Многие были совсем необученные, а я – профессионал все-таки.

Уже 11 июля мы вступили в бой. Это было между Лугой и Псковом на реке Плюсса. Главная полоса проходила в населенном пункте Городец. Наш артиллерийский 710-й гаубичный полк 177-й стрелковой дивизии⁵ стоял в этом месте. Мой наблюдательный пункт находился чуть-чуть севернее Городца. Когда фашисты начали наступать, у нас все было уже пристреляно. Я только успевал командовать. Мы хорошо побили их там.

Боеприпасов хватало. На тяжелых ЗИСах их подвозили прямо на огневую позицию. Помню ночные удары по населенному пункту Наволок, где размещался штаб немецкой разведки. Мне командир артиллерийского дивизиона поставил задачу – ударить ночью, километров на десять по дальности стрельбы. А гаубицы у нас – 122-миллиметровые, у них дальность стрельбы – 11 километров 800 метров. Мы удары нанесли точно, разведчики сказали: «Машины немецкие так загорелись в Наволоке, что фашисты забегали, как угорелые».

Встретив организованное сопротивление, генерал Гепнер принял смелое решение. Дорога вдоль реки Луги считалась непроходимой для танков. Но Гепнер бросил свои основные силы по бездорожью. Пройдя 150 километров на север, немецкие танки с ходу форсировали Лугу у Большого Сабска и захватили пустующие советские укрепления на правом берегу. Ворошилов бросил в бой курсантов пехотного училища и 2-ю дивизию народного ополчения. Но контратаки ополченцев и курсантов – безуспешны. Гепнер доложил фон Леебу: дорога на Ленинград открыта.

Однако 15 июля Ворошилов нанес под Сольцами неожиданный контрудар танками во фланг немцам. Три немецких дивизии оказались прижаты к озеру Ильмень. Вермахту пришлось направить танки под командованием Манштейна на выручку полуокруженной у озера Ильмень группировке. Фон Лееб вынужден приостановить наступление на Ленинград.

Темпы наступления группы армий «Север» сегодня кажутся невероятными. Но наиболее прозорливые немецкие генералы уже поняли: что-то не так. В конце июля вермахт только готовится захватить Ленинград. А ведь за это же время войны с Польшей и Францией уже были выиграны. Все германские мемуаристы отмечают неожиданную стойкость советских войск в обороне и отличное вооружение. Один из самых неприятных сюрпризов – тяжелый танк КВ-1, броню которого не могла пробить ни одна немецкая противотанковая пушка. Немцы называли все, что происходило в бою с ними, «эффектом колотушки». Снаряды стучали по броне, не причиняя вреда. В немецких мемуарах атаки КВ описываются как нашествие марсиан из романа Уэллса: чудовищные монстры, безнаказанно утешающие позиции противотанковых батарей. В борьбе с КВ выручала немцев лишь тяжелая артиллерия и 88-миллиметровые зенитные пушки.

ВОСПОМИНАНИЯ: Мельников Владимир

⁵ 177-я стрелковая дивизия 6 июля 1941 года включена в состав Лужской оперативной группы, в тот же день заняла позиции на Киевском шоссе у реки Плюсса. 11 июля приняла первый бой. Удерживала в ожесточенных боях вверенный рубеж, прикрывая подступы к Луге, вплоть до конца августа 1941 года. В ночь на 21 августа дивизия отошла севернее Луги. Вела бои с дивизией СС «Полицай». Была окружена. В течение первой половины сентября 1941 года вела упорные бои, прорывая окружение в районе Вырицы, однако из окружения 22–24 сентября вышло не более 500 человек. 177-я стрелковая дивизия явилась наиболее отличившейся в боях на Лужском оборонительном рубеже. 20 июня 1944 года наступала на Мертуть-рауту (Сосново). Заняла Яски (Каменогорск) и Энсо (Светогорск).

В начале войны мы на КВ воевали довольно-таки своеобразно. Мы не боялись немецкой противотанковой артиллерии. Даже иногда командир засекал огневую точку, давал команду зарядить орудия осколочными снарядами и отправлял танк на пушку. И мы давили немецкие пушки. Потому что не брали броню КВ немецкие снаряды в начале войны. Примерно до середины сентября они ничего не могли с нами сделать. Наверное, я должен отдать должное немецким артиллеристам, они все-таки подбивали наши машины. Есть лобовая броня и броня боковая, так они били в место сварки, – представляете, 10 миллиметров! Это просто снайперская стрельба. Либо они били под башню, разбивали поворотное устройство и застопоривали башню; либо в саму пушку стреляли; либо в люльку пушки. По горизонтали мы за счет поворота башни стреляли, а по азимуту за счет этой люльки. (Она поднималась вверх-вниз.)

Танку было не страшно, когда по нему была артиллерия, а вот находиться в это время внутри машины – настоящий ужас, потому что окалина летела, отбивалась от брони, и лица, и руки, – все было побито этой окалиной. И, во-вторых, глохли мы.

31 июля финская армия начала наступление на Приозерск и Сортавалу. К 9 августа она прижала часть советских войск к Ладожскому озеру. Позже их удалось эвакуировать на остров Валаам, а потом в Ленинград. 11 августа финны развернули наступление на Выборг.

Советская оборона сильно обескровлена. Несколько дивизий уже переброшены на юг, а оставшимися силами 120-километровый фронт не удержать. Это хорошо понимал командующий Ленинградским фронтом Маркиан Попов.

ДОСЬЕ:

Генерал-лейтенант Попов Маркиан Михайлович, 39 лет. Родился в казачьей станице. Участвовал в Гражданской войне. Окончил пехотные командные курсы и Военную академию имени Фрунзе. Прошел путь от командира взвода до командующего войсками Ленинградского военного округа. Чудом уцелел в «чистках». На Халхин-Голе – заместитель Блюхера. Одаренный, грамотный военачальник, в боевых действиях берег личный состав, пренебрегая указаниями сверху. Высокие моральные качества сочетал со склонностью к бытовому пьянству. В августе 41-го – командующий Ленинградским фронтом.

Чтобы сократить линию обороны на Карельском перешейке, Маркиан Попов просил разрешения отвести войска на линию Маннергейма к реке Вуоксе, но Ставка требовала: ни шагу назад!

Финские войска прорвали оборону и теснили советские части к Финскому заливу, грозя окружением. Еще не поздно было отступить на выгодные рубежи, но Москва медлила давать разрешение. Наконец пришел ответ Сталина: «Вас запугивают командующие армиями. Вы, в свою очередь, решили, видимо, запугивать Ставку всякими ужасами насчет прорыва, обострения положения и прочее. Ставка требует, чтобы вы, наконец, перестали быть статистом и специалистом по отступлению и вошли в подобающую вам роль командующего, вдохновляющего армии и поднимающего дух войск».

В конце концов, Сталин разрешил отступление, но слишком поздно. 24 августа Выборгская группировка уже была окружена. 29 августа Выборг взят финнами.

Когда финские войска вошли в Выборг, раздались страшные взрывы. Взорвался телеграф, вокзал, крепостной мост. Выборгский замок оказался тоже заминирован. В Выборге финские саперы обнаружили радиоуправляемые мины. Они должны были взорваться по радиосигналу. Финские инженеры вычислили частоту, на которой они работали – 715 килогерц. И трое суток, пока разминировали, крутили на этой частоте знаменитую финскую польку «Сяккиярве».

Финские войска. Август 1941-го

Финские артиллеристы надписывают на снаряде название деревни, где началась Зимняя война

Маннергейм на реке Свири. 8 сентября 1941 года

1 сентября финская армия вышла к границе 1939 года и уперлась в Карельский укрепрайон. Карельский укрепрайон – один из старейших в стране. Его стали строить в 1928 году по приказу Ворошилова. 100 пулеметных и 20 артиллерийских дотов. Сплошная линия обороны от моря до моря, от Финского залива до Ладоги.

Маннергейм отдал приказ штурмовать этот рубеж. Старая советско-финская граница проходила по реке Сестре. Река совсем неширокая, но форсировать финским войскам ее оказалось не так просто. На стол маршала Маннергейма ложились донесения: «3 сентября. При форсировании реки Сестры 9-я рота седьмого пехотного полка в полном составе отказалась перейти реку. 14 сентября. Двести солдат и унтер-офицеров 48-го пехотного полка отказались перейти реку. Помимо отказа солдаты говорили, что они готовы защищать родину, но не готовы воевать на чужой территории». Такие случаи неповиновения были зафиксированы в каждом втором пехотном полку.

Начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии Франц Гальдер записал в своем дневнике: «Командование финской армии не хочет, чтобы ее войска наступали с Карельского перешейка дальше старой государственной границы».

В результате наступления финнам удалось занять Петрозаводск, Лодейное поле и захватить весь Карельский перешеек. На этом финны свои задачи в войне посчитали выполненными. Аннексия советской Карелии исполняла давнюю мечту финских националистов о создании Великой Финляндии, где реки Сестра и Свирь должны служить естественными границами нового государства. Финляндия предоставила почетное право разгромить Совет-

ский Союз своим немецким союзникам. На Карельском перешейке фронт стабилизировался на долгие три года. Но об этом наше командование еще не знало.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Шуркин Сергей

В Ленинграде я работал на заводе. 4 июля я записался в народное ополчение, 5-го был уже в войсках. Мы 10 дней занимались боевой подготовкой, потом наш батальон погрузили в эшелон и перебросили за Приозерск, где проходили бои с финско-немецкими войсками. Вместе с пограничниками мы отходили к старой границе, причем нам очень помогала их система организации обороны. Они нам здорово помогали и в огневой подготовке, и в отражении атак противника. Надо отдать должное.

Вот мы говорим сейчас о заградотрядах. Когда после тяжелого боя мы начали отходить, причем отход стал беспорядочным, пограничники выстроились в цепочку, останавливали нас, приказывали занять оборону. Таким образом, мы пришли в себя и успокоились. Когда противник подошел, вместе с пограничниками мы отразили эту атаку. Но все равно потом отступали и вышли на старую границу, которая существовала до 39-го года.

Самый тяжелый бой – первый. Когда мы вышли из поезда и заняли рубеж обороны, финны начали наступать. Естественно, была какая-то робость. Я впервые близко увидел раненого и понял, что и со мной такое может случиться. А потом бой начался.

И вдруг разорвался сзади снаряд. Один из бойцов получил тяжелое ранение в ноги. Мы вынесли его на дорогу (там танкетка с фельдшером была), положили на танкетку, отошли метров сто, и вдруг слышим – взрыв. Прямое попадание в танкетку. Все, кто был на ней, погибли. Вот это самое страшное – видеть такое.

Финны хорошо воевали. Надо отдать им должное. Они были всегда хорошо вооружены и хорошо сражались. Но только на этой старой границе они остановились.

В середине августа на южном рубеже Ленинградского фронта назревал новый кризис. До сих пор на Ленинград наступала одна 18-я армия немцев. 16-я армия была занята в Прибалтике. Однако 17 августа немцы захватили Нарву и начали осаду Таллина. Гитлер заявил: «Невод заведен. Рыба находится внутри невода. Можно считать, русской армии и Балтийского флота больше не существует».

Войска Прибалтийского фронта и корабли Балтийского флота оказались под угрозой полного уничтожения. Но все попытки добиться разрешения на вывод армии и флота в Кронштадт Москва игнорировала. В результате, войска грузились на суда уже под обстрелом немецкой артиллерии. 28 августа в море вышли четыре конвоя транспортов и боевых кораблей. По ним тут же ударили немецкие бомбардировщики. Фарватер оказался нашпигован минами, тральщиков не хватало, корабли один за другим подрывались на минах. Вечером из штаба Балтийского флота пришел приказ встать на якорь и дожидаться утра. А с наступлением рассвета произошло необъяснимое. Все боевые корабли снялись с якоря и полным ходом ушли в Кронштадт. Тихоходные транспорты, битком набитые войсками и эвакуировавшимся гражданским населением, оказались брошенными на растерзание немецкой авиации. Жители Кронштадта вспоминали, что видели наши боевые корабли, а немецкая авиация, их обходя, летела бомбить безоружный транспорт. Еще десять суток спасали уцелевших. Всего спасли 12 тысяч человек. В Таллинском переходе потеряно 65 судов, в водах Финского залива навсегда осталось около 10 тысяч человек.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Макеев Петр

Когда началась война, я учился в Военно-морской академии имени Ворошилова на Васильевском острове. Нас на третий день войны досрочно выпустили, и я был назначен в оперативный отдел Балтийского флота, главная база которого в это время находилась в Таллине.

Когда мы прибыли в Таллин и явились к начальнику штаба флота, он сказал: «Ага, академики прибыли, прекрасно, вникайте в обстановку и принимайтесь за работу». А обстановка в это время была следующая: немецкие войска в первых числах августа захватили все наши военно-морские базы и подошли к Таллину. Наша армия была разрезана, и враг клином прорвался на южное побережье Финского залива. Продолжалась Таллинская оборона до 26 августа. На неоднократные просьбы командующего Балтийским флотом адмирала Трибуца разрешить постепенную эвакуацию ненужных частей и учреждений в Кронштадт отвечали запретом. Только 26 августа было получено разрешение на эвакуацию.

Макеев Петр

Спланировали, в какой транспорт погрузятся тыловые учреждения, в какие – войска, отходящие с фронта. Подготовка была очень большая, но она проводилась скрытно, потому что уже был приказ «не отходить, ни шагу назад». Мой однокашник Юра Афанасьев командовал эсминцем «Ленин», который стоял в Либаве в ремонте. А Либаву на 6-й день войны заняли немцы, и поэтому Юра приказал взорвать эсминец. Он на катере прибыл в Таллин, а военная прокуратура уже обвинила его в поспешности, и он был расстрелян. Через некоторое время вышел приказ Сталина: не оставлять

ничего врагу, все взрывать, но уже после того как Юру расстреляли. Потом его реабилитировали, потому что действия были правильные.

В ночь на 27-е начался отход войск и техники. Технику, которую нельзя было взять с собой, уничтожали на берегу. Я сам видел, как наши солдаты разбивали машины, чтобы они не достались немцам.

Было создано 4 конвоя, в каждом по 8–10 транспортов. Меня назначили тогда начальником походного штаба первого конвоя. Шел я на учебном корабле «Ленинградсовет»⁶. Но к этому времени на Балтике разыгрался шторм, подул норд-ост, в такую непогоду не могли выйти малые корабли. Пришлось ожидать. В это время наш крейсер «Киров» и другие обстреливали немцев и не давали им помешать погрузке. Наша морская артиллерия поработала здорово. Только к утру 28-го море успокоилось и в 12 часов дня на эскадренном миноносце «Калинин», где находился командующий арьергардом, вице-адмирал Ралль Юрий Федорович, был поднят сигнал: первому конвою начать движение.

К вечеру 28 августа совершились первые налеты вражеской авиации на наши корабли. В сумерки мы подошли к минным заграждениям, которые выставили немцы еще до войны. По плану намечалось, что мы пройдем их днем 27-го, а вышло, что пришлось форсировать ночью, что осложнило обстановку. Эта ночь (с 28-го на 29-е) была самой тяжелой, самой ужасной. Много кораблей погибло на минном заграждении.

Мой однокашник шел на эсминце «Калинин», на котором находился вице-адмирал Ралль. Он потом рассказывал, что Юрий Федорович говорил: «Вторая Цусима».

Позже, уже после войны, в 62-м году, я был в ГДР назначен советником и интересовался таллинским переходом. Я узнал, что до 10 тысяч мин немцы поставили посреди Финского залива, на центральном фарватере, в который мы вошли. Много судов погибло на минах.

На нас совершались атаки немецкой авиации. Немцы выбирали самые крупные транспорты. Я видел, как «Вирония»⁷ от попадания бомб выкатилась из протраленной полосы. Я приказал капитану уменьшить ход до малого и послал катера подбирать тех, кто оказался за бортом. Но долго оставаться было нельзя, так как приближались сзади идущие корабли.

Командир «Ленинградсовета» удачно маневрировал. Как только из бомболока самолета вываливались 4 бомбы, он командовал «право на борт». До этого отворачивать было нельзя, потому что летчик мог скорректировать на наш поворот. Вот так благополучно несколько раз командир то вправо, то влево отворачивал корабль. А бомбы ложились впереди по старому курсу.

⁶ До революции – «Верный». В 1923 году «Верный» был переименован в «Петросовет», а два года спустя судно назвали «Ленинградсоветом». Учебный корабль был вооружен двумя 76-миллиметровыми пушками дореволюционного образца и четырьмя 12,7-миллиметровыми пулеметами ДШК; максимальная скорость хода 12 узлов. Благополучно совершил Таллинский переход, спас из воды более 300 жертв бомбежек и торпед.

⁷ Транспортное судно «Вирония», имевшее на борту значительную часть управления 10-го стрелкового корпуса. 28 августа «Юнкерс-88» сбросил на «Виронию» серию бомб, одна из которых разорвалась рядом с бортом корабля и повредила машинное отделение. «Вирония» потеряла ход, но могла самостоятельно держаться на плаву. Спасательное судно «Сатурн», на котором находилось около 800 человек, взяло «Виронию» на буксир, но, пройдя несколько кабельтовых, подорвалось на mine. Люди с «Сатурна» перешли частью на «Виронию». Приблизительно в 22 часа «Вирония» подорвалась еще раз и в течение 1–2 минут пошла ко дну. Во время потопления на «Виронии» были слышны многочисленные револьверные выстрелы. Судя по всему, люди кончали жизнь самоубийством, не желая живыми уходить в морскую пучину.

Утром 29 августа, когда начались налеты на конвои, я дал несколько телеграмм с просьбой прикрыть суда авиацией. И только когда мы прошли Гогланд, когда уже большинство транспортов потонуло или было повреждено, мы увидели, что летят наши истребители из Кронштадта нам навстречу. А в это время появились немецкие Ю-87. Увидев истребители, они повернули обратно. Остальное спасение шло с острова Гогланд. К этому времени был организован отряд под управлением контр-адмирала Святова Ивана Георгиевича, с большим количеством малых кораблей и катеров. Этот отряд спас 12 тысяч солдат и гражданских, доставив их на остров Гогланд.

Новоселов Николай

22 июня 1941 года я находился на эскадренном миноносце «Яков Свердлов»⁸ Краснознаменного Балтийского флота, в шхерах, где мы испытывали торпеду самонаведения. По радиосвязи объявили, что началась война. Наш корабль приписали к главной базе Военно-морского флота в Таллине. Он вошел в боевое ядро, которое несло патрульную службу в море. Когда фашисты приблизились к Таллину, нависла опасность кораблям, находящимся в главной базе. И было решено все боевые суда собрать и двинуться в Кронштадт. Эвакуация проходила с 24 августа 1941 года. 28-го утром, в 4:20 примерно, мы начали движение. Наш миноносец получил задание охранять правый борт крейсера «Киров».

По левому борту старшина сигнальной роты Быховец Аркадий обнаружил перископ подводной лодки. Не прошло пяти минут, как подводная лодка противника выпустила торпеду по нашему кораблю. Но наш командир, капитан 2-го ранга Спиридонов Александр, сделал правильный маневр, торпеда прошла за бортом. А вот вторую торпеду мы намеренно приняли на себя, потому что она шла прямо на крейсер «Киров». Корабль наш за каких-то 10 минут погиб. Удар торпеды пришелся в первое котельное отделение, там же недалеко находился склад боеприпасов, и корабль взорвался. Личного состава остались единицы, остальные все погибли. Те, что находились на ходовом мостике, последними с корабля нырнули в воду. С сигнальщиком Николаем произошла трагедия. Он подплыл к катеру, а на море было волнение, и его отнесло, и попал он как раз под киль катера МО № 214. Меня катер подобрал. Как спасся, сам не понимаю. Я был ранен, вдобавок – контузия головы, долго не слышал ничего.

Наше движение по северному фарватеру было очень опасным. Тральщикам приходилось нелегко. Когда мина всплывала, даже личный состав боевых кораблей, ложась на живот, шестом отталкивал эти мины.

⁸ Эскадренный миноносец, с 1913 года под названием «Новик» в составе Балтийского флота, в январе 1923 года переименован в «Яков Свердлов». Под командованием капитана 2-го ранга А. М. Спиридонова участвовал в прорыве советских кораблей из Таллина в Кронштадт 28 августа 1941 года. Охраняя флагманский корабль крейсер «Киров», «Яков Свердлов» погиб, подорвавшись на mine.

Новоселов Николай

Саксин Иван

Я пришел на флот сразу после финской войны, она не принесла нам большой славы и пользы. Поэтому в Народном комиссариате обороны проводились большие замены. Старого наркома Клим Ворошилова сняли и назначили Маршала Советского Союза Тимошенко. Тимошенко сразу стал вводить новые уставы: усилил требования к воинской дисциплине, к боевой подготовке, повысил роль младшего командного состава. Поэтому, когда я прибыл в учебный отряд школы связи имени Попова, и мы стали заниматься строевой подготовкой (на это давалось 2 месяца), то сразу ощутили, что готовимся не по старой системе.

После окончания школы связи меня назначили на корабельную практику и послали на сторожевой корабль «Циклон». Тогда в Кронштадте и Ломоносове базировались корабли дивизиона, которые назывались «кораблями плохой погоды». Это «Вихрь», «Буря», «Туча» и «Циклон», на котором я ушел на Балтику. На этом корабле стояло два артиллерийских

орудия – две «сотки», один 37-миллиметровый зенитный пулемет, торпедный аппарат, – так что мы могли выходить и в торпедную атаку на неприятельские корабли.

Наша эскадра (отряд легких сил) собралась в Рижском заливе: корабли охраны водного района и часть подводных лодок. Там 22 июня мы и узнали о начале войны. На следующий день все отправились на постановку минного заграждения, которое должно было перекрыть горло Финского залива. Заграждение планировалось от Моонзундского архипелага с южной части до полуострова Ханко на севере.

Вышли минные заградители, эсминцы, тральщики и отряд поддержки, в котором были крейсер «Максим Горький» и эсминец «Гневный». Сначала взорвался «Гневный», а через некоторое время на мину наскочил и «Максим Горький». Оказалось, что накануне войны или в первый день немцы сумели поставить там минное заграждение. По всей видимости, плохо сработала наша разведка.

Все первые недели войны мы были заняты обороной Финского залива. Делалось все для того, чтобы не пропустить немецкие корабли в восточную часть, в сторону Кронштадта и Ленинграда. Но немецкий флот не пошел в залив, немцы пустили сухопутные дивизии.

Ядро кораблей понемногу стало уходить из Таллинской гавани в Кронштадт. Начали перевозить часть ценного инженерного имущества. А когда немцы приблизились к Таллину, начался так называемый Таллинский переход.

Во время перехода наш корабль наскочил на мину. Мы попрыгали в воду. И вот когда я плыл, случайно под руку попался какой-то обломок бруса. Или доски. Я взял ее под левую руку, а правой немножко подгребал. И вот это меня спасло. Через некоторое время слышу – где-то в стороне раздались голоса. Нас подобрал какой-то корабль. Привели нас в машинное отделение – так сразу захотелось спать. Уснули. Через некоторое время нас разбудили, мы поднялись на верхнюю палубу, смотрим, – какой-то остров. Говорят, это Гогланд.

После взятия Таллина обе немецкие армии были готовы к броску на Ленинград. Решающее наступление планировалось по трем направлениям. На востоке: на Новгород и Чудово с целью перерезать Октябрьскую железную дорогу между Ленинградом и Москвой. В центре: через Лугу с выходом на Киевское шоссе, ведущее через Гатчину в Ленинград. С запада: через Кингисепп по шоссе вдоль Финского залива.

Немцы начали наступление 8 августа. Авиация вермахта бомбит непрерывно. Танковые клинья врзались в Лужский рубеж. Курсанты, ополченцы, кадровые части сражались яростно и умело. Из донесения немецкого командования: «Советы приходилось буквально выжигать огнем из их дотов и укрепрайонов. Полицейская дивизия СС заняла Лугу, но потери ее были столь велики, что дальше она не могла продолжать наступление». После упорных боев немцы пробили Лужский рубеж с флангов и устремились к Ленинграду. Приказ отходить был дан лишь тогда, когда наши войска оказались в окружении. 20 тысяч человек попало в плен.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Пчелов Борис

Призвали меня в армию 30 июня и направили в город Красногвардейск, нынешнюю Гатчину, в батальон связи. Наша 70-я ордена Ленина дивизия⁹ (она за финскую войну еще получила орден) была направлена вместе с другими соединениями отстаивать Лужский рубеж. Боевой подготовки у нас, по сути, не было – дней десять учили стрелять, пользоваться противогазом, лопатой окопы копать. Вооружение тоже было слабенькое – трехлинейка 1891 года. В траншее не повернуться с ней. У фашистов – автоматы, короткие, а мы вот с этой трехлинейкой. Потери были большие.

Пчелов Борис

Бои шли кровопролитные. Численность нашей дивизии уменьшалась. Связи настоящей не было, мы просто не знали обстановки и оказались в кольце. Выходили ночами, по топким болотам, тащили раненых с

⁹ 70-я стрелковая дивизия на 6 июля 1941 года насчитывала в своем составе около 14 тысяч человек и 200 орудий и минометов и была включена в состав Лужской оперативной группы. Была передана в подчинение штабу Северо-Западного фронта и переброшена в район Порхова. Наступала в южном направлении на Сольцы, 16 июля 1941 года вошла в город. 22 июля дивизия была вынуждена вновь оставить Сольцы и отступать на север, где заняла оборону юго-восточнее Луги. После возобновления немецкого наступления 10 августа 1941 года попала под мощный удар противника и была вынуждена отойти к станции Батецкой, тем самым открыв путь на Новгород – Чудово. 13 августа оказалась в окружении в районе западнее Менюши. К концу августа 1941-го остатки дивизии выходили из окружения лесами по направлению к Чудово. 8 сентября вела бои восточнее Гатчины, 11 сентября наступала на Сусанино. В течение сентября 1941 года вела бои, постепенно отступая на север. К концу сентября оборонялась юго-восточнее Пулково. 26 сентября 1942 года форсировала Неву в районе Невской Дубровки (командир и комиссар 252-го стрелкового полка отказались форсировать реку и были расстреляны перед строем), и уже при переправе понесла очень большие потери. Вела в течение конца сентября – начала октября 1942 года тяжелейшие бои на Невском плацдарме.

собой. Боеприпасы закончились, обмундирование все дряхлое. Вывел нас в районе Вырицы будущий командир дивизии Краснов Анатолий Андреевич. Тогда он майором был, командиром полка. Когда мы выходили из окружения, нас засыпали листовками: «Сдавайтесь в плен»; «Сопротивление бесполезно». Краснов построил нас всех голодных, ободранных, и сказал: «Кто со мною пойдет, того я выведу из окружения». И в этот момент с фашистского самолета сбросили листовку: «Вы знаете, кто это, на снимке? Это сын Сталина, Яков, который сдался, потому что ваше сопротивление бесполезно». Краснов дает команду «направо», и пошли выходить из окружения. Вывел все-таки! Мы вышли к своим дивизионным тылам, нас накормили, обмундировали, дали немножко отдохнуть.

Первый период войны был самым трагическим. И героическим. Потому что мы все-таки не дали взять Ленинград.

Для 4-й немецкой танковой группы кратчайший путь к Ленинграду лежал через Гатчину, которая тогда называлась Красногвардейском. Превосходство в танках, самолетах, живой силе дало немцам возможность уже на четвертый день боев подойти к внешнему оборонительному обводу Красногвардейского укрепрайона. Глубина Красногвардейского укрепрайона составляла от 35 до 45 километров. Он проходил от Финского залива до среднего течения Невы и создавался в предвоенные годы под руководством Алексея Александровича Кузнецова. К моменту подхода фашистских войск к укрепрайону здесь силами гражданского населения – женщин, подростков, стариков – построили 335 дзотов и дотов, 127 бронеточек, вырыли 205 километров противотанковых рвов, подготовили 275 артиллерийских площадок. От Гатчины до Пулковских высот было прорыто три противотанковых рва и созданы минные поля.

Но немцы не собирались брать укрепрайон в лоб. Они обтекали его с запада и с востока. Прорывались там, где им противостояли только что сформированные, плохо вооруженные дивизии народного ополчения или потерявшие большинство своего состава в боях кадровые части. Нового вооружения и опытных командиров Красной армии катастрофически не хватало. Но там, где они появлялись, вермахту приходилось нелегко.

18 августа приказ перекрыть тяжелыми танками КВ подступы к Гатчине получила танковая рота старшего лейтенанта Зиновия Колобанова. За день до этого на Кировском заводе рота получила новенькие танки КВ-1, только что сошедшие с конвейера.

Рота Колобанова должна была закрыть три дороги, ведущие в Гатчину со стороны Кингисеппа, Таллина, Луги. Все эти дороги перекрещивались в одном месте – поселке Войсковичи. В роте Зиновия Колобанова – пять танков КВ-1. В каждый танк загружено по два боекомплекта бронебойных снарядов. Колобанов приказал двум экипажам – лейтенанта Сергеева и младшего лейтенанта Евдокименко – занять оборону на Лужской дороге. Два других экипажа – лейтенанта Ласточкина и младшего лейтенанта Дегтяря – должны были перекрыть дорогу, ведущую в Волосово. Танк самого Колобанова встал в засаду у поселка Учхоз. В районе Войскович дорога, ведущая от Таллинского шоссе к Мариенбургу, пригороду Гатчины, делает крутой поворот почти на 90 градусов, и поэтому немцы не могли показаться на ней неожиданно. Еще одна особенность дороги – по левую сторону от нее и по правую – болото. Этот перешеек – очень удобное место для танковой засады. По приказу Колобанова для танков выкопали капониры (укрытия) по самую башню.

В 1941 году у дороги находилась птицеферма (она и сейчас на этом месте). Работники фермы разбежались. Танкисты поймали гуся и, чтоб он не достался оккупантам, сварили его в ведре, отужинали и стали дожидаться подхода немецких танков.

Утром 19 августа танкисты Колобанова слышали надвигающийся шум, потом канонаду. Первыми вступили в бой танки, что стояли на Лужском шоссе, немцы атаковали и со

стороны Волосова. На связь вышел комбат Шпиллер и сообщил, что скоро танки появятся на Мариенбургской дороге.

Из-за поворота выехали три немецких мотоциклиста – голова колонны, за ними – штабные машины, потом танки. Наводчик сосчитал – танков 22.

Колобанов приказал огонь не открывать. Он дождался, пока мимо него проедут мотоциклисты, штабные машины, и только когда головной Т-3 оказался под прицелом орудия, Колобанов приказал: «бронейбойным – пли».

Экипаж Колобанова подбил первый немецкий танк, потом замыкающий. Затем стал расстреливать их один за другим. Немцам деваться было некуда. Справа болото и слева болото. Гитлеровцы не сразу обнаружили замаскированный КВ. Затем открыли по танку Колобанова шквальный огонь. Но броня КВ выдержала удары снарядов. Танк получил 156 вмятин от попадания бронебойных снарядов, но продолжал уничтожать немецкую технику. Когда бой закончился, КВ своим ходом вернулся в расположение батальона.

Об этом бое поэт Александр Гитович написал поэму «Танкист Зиновий Колобанов». Под поэмой подпись – «26 сентября 41-го года. Действующая армия».

Все это было так:

В молчании суровом
Стоит тяжелый танк,
В леске замаскирован.
Враги идут толпой
Железных истуканов,
Но принимает бой
Зиновий Колобанов.
И сквозь разрывов грохот
Мир смотрит на равнину,
Где старший лейтенант
Повел на бой машину...
И вот он немцев бьет,
Как богатырь былинный.
Вокруг него лежат разбитые машины,
Уже их двадцать две, как буря разметала,
Они лежат в траве осколками металла...

Сегодня на месте боя установлено панно. На нем изображена звезда Героя Советского Союза, хотя никто из танкистов Героя так и не получил. Зиновий Колобанов был награжден орденом Красного Знамени. Еще он попал в Книгу рекордов Гиннесса как человек, поставивший абсолютный мировой рекорд: в одном бою подбил 22 вражеских танка. Всего под Войсковыми рота Зиновия Колобанова уничтожила 43 немецких танка.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Мельников Владимир

Попал я в поселок Тайцы. В 1-ю танковую дивизию¹⁰, в 1-й танковый полк, в 1-й танковый батальон 3-й роты тяжелых танков. Командир роты –

¹⁰ 1-й танковый полк и другие подразделения 1-й танковой дивизии 12 августа 1941 года перешли к обороне в районе Гатчины, имея эшелонированную оборону танковыми засадами. Дивизия насчитывала 58 исправных танков, из них четыре Т-28 и семь КВ. С 16 по 31 августа 1941 дивизия, получив пополнение, методом подвижных танковых засад вела упорные сдерживающие бои с превосходящими силами противника, в результате чего уничтожила до батальона пехоты, 77 танков, 7 орудий, 2 миномета, 4 самолета. В том числе 43 танка были уничтожены ротой старшего лейтенанта З. Г. Колобанова 17 августа сентября 1941 года.

старший лейтенант Колобанов. У нас должно было быть тяжелых танков КВ тринадцать штук, но оставалось к тому времени только пять. На одном из них, у лейтенанта Ласточкина, я был радистом. 18 августа нас подняли по тревоге, и мы вышли на исходные позиции под Красногвардейск (Гатчину). Нам объявили, что командование дало приказ не пропустить крупную группировку танковых войск. Колобанов сказал, что мы будем вести бой из засады. Приказал копать капониры (это углубление, куда танки спускались), основной и запасной на всякий случай. А сам ушел на разведку. Все, что было дальше – это заслуга Колобанова. Он опытный командир. Накануне боя он, наверное, часа три обходил линию обороны, выбирал для всех пяти танков позиции.

Мельников Владимир

Танки мы закопали, над уровнем земли осталась только башня, которая могла вращаться на 360 градусов. Замаскировали их хорошо. Командирами танков были: лейтенанты Сергеев, Евдокименко, Ласточкин, младший лейтенант Дегтярь и Колобанов (он сам тоже был командиром экипажа). Колобанов три танка поставил в районе Лужского шоссе, свой танк – около Войсковиц (там, где сейчас памятник этому бою, буквально в ста метрах), а наш танк поставил недалеко от железной дороги. И стали мы ждать. Я как радист, слышал переговоры Колобанова с другими экипажами и с командиром батальона, капитаном Шпиллером Иосифом Борисовичем.

Ночь прошла более или менее спокойно, все время кто-то дежурил возле танка. Утром 19-го дежурил Роденков и вдруг услышал шум. А бой на Лужском шоссе начался раньше. Мы даже слышали разрывы снарядов. Лейтенант Сергеев передал, что вступил в бой с крупной группировкой, бой

ведет успешно, подбили 8 танков. Где-то около двенадцати или двух часов (я не могу точно сказать время) Роденков услышал шум моторов. Колобанов ему приказал сесть в танк. Через некоторое время пошел авангард колонны: несколько мотоциклистов и бронемашин двигались по направлению к Войсковицам. Я слышал, Шпиллер в это время отругал Колобанова: «Что ты пропускаешь немцев?!» А Колобанов ему даже ничего не ответил на это. Он был умный командир, знал, что сейчас пойдут танки. И действительно, через некоторое время они выдвинулись из-за леса. Насчитали 22. А у наводчика Андриюши Усова был выбран ориентир на дороге. И когда танки подошли к этому ориентиру, по ним открыли огонь. Андрей классный был артиллерист. Он с одного снаряда подбил первый танк. Тот загорелся, развернулся и запер всю колонну. Там были Т-3, Т-4. Потом он подбил последний танк, тот тоже загорелся. В общем, дорога была заперта, немцам деваться было некуда. Справа болото и слева болото. И начался методичный расстрел всех танков. Немцы, конечно, открыли огонь, но они Колобанова не видели. Потом обнаружили, было примерно 150 попаданий в него снарядов. Бой закончился где-то часа через полтора. И все 22 танка были подбиты.

Наш танк стоял в направлении железной дороги, мы ждали появления немецких танков. А они с Лужского шоссе выскочили на какую-то проселочную дорогу и зашли к нам в тыл. Иван Иевлев, механик-водитель, быстро вывел танк из капонира, а Коля Сливов, командир орудия, сумел подбить первые два танка, но еще два шли на нас. Одним из снарядов нам повредили люльку орудия, то есть мы уже не могли управлять пушкой. Командир приказал Иевлеву бить эти танки тараном. Сперва разбили танк, который был к нам ближе. Но это страшное дело. Конечно, все были контужены внутри. А второй танк стал разворачиваться, чтобы уйти. Коля Сливов сориентировался, и в момент, когда орудие его смотрело на немецкий танк, выстрелил. Танк загорелся. Таким образом, на нашем счету было 4 подбитых танка. На счету лейтенанта Сергеева – 8 танков. На счету Евдокименко – 5 танков. И на счету младшего лейтенанта Дегтяря тоже 4 танка. А командир наш, Колобанов, подбил 22 танка. Это исторический бой, который удивил всех!

После боя приехал командир бригады генерал Баранов¹¹, командир полка полковник Погодин. Приехал Шпиллер, наш командир батальона. Приехал репортер газеты «Известия» Майский. У него была кинокамера, он заснял все, но я до сих пор не знаю, есть ли этот кадр с 22-мя подбитыми танками.

Колобанов был героем Советского Союза еще в финскую войну. Мы с ним встретились здесь, в Ленинграде, после войны уже, он приехал к нам домой. Сидели за чашкой чая с супругой, он вдруг вынимает фотографию. Фотография шесть на девять, и там он с одной шпалой (то есть капитан) и со звездой Героя Советского Союза. Я говорю: «Зиновий Григорьевич, а почему сейчас-то не герой?» «Ну, так, – говорит, – получилось». Причина в чем. Когда кончилась война финская, был дан приказ «не стрелять». Его рота стояла на исходных позициях. Вдруг идет с белым флагом группа финнов. Подошли к какому-то танку из его батальона. Даже не

¹¹ Виктор Ильич Баранов, участник испанской гражданской войны, Зимней войны. Герой Советского Союза. В 1941 году – генерал-майор танковых войск, командир 1-й танковой дивизии.

из роты, а из батальона! Как потом он мне рассказывал, обменялись сигаретами. Они по-русски не понимают, наши по-фински не понимают. Те развернулись и ушли. А политработники доложили наверх, и за это Колобанов был разжалован и посажен. Почему он не получил второй раз звезду Героя? Естественно, должен был, вся заслуга его в этом бою. Когда Баранов доложил командующему фронтом и политработникам, которые там были, что Колобанов заслуживает звания Героя Советского Союза, ему сказали: «Ты что? Он только что из тюрьмы вышел. Дискредитировал нашу армию на финском фронте». И ему и здесь не дали. Обещали, что его сделают почетным гражданином города Гатчины. Обещали назвать в Ленинграде одну из улиц его именем. И ничего не сделали. Назвали в Войсковицах бывшую Учхозовскую улицу, на которой стоит гимназия, улицей Колобанова. А вот в Петербурге – комитет по топонимике, который определяет название улиц, одобрил, губернатор тоже одобрил, пять лет прошло – и ничего. Уже никого нас не осталось, и ходатайствовать дальше будет некому.

Немецкое наступление по всем трем направлениям остановить не удавалось. 19 августа врагу сдан Новгород. В плен попали 12 тысяч красноармейцев. Командующий обороной Новгорода генерал Качанов расстрелян с формулировкой «за самовольное оставление поля сражения». От Новгорода немцы повернули на север, перерезали Октябрьскую железную дорогу. С 30 августа шли яростные бои за Мгу – последний железнодорожный узел, связывающий Ленинград с Россией. Несмотря на ожесточенное сопротивление 1-й дивизии НКВД, 2 сентября Мга взята. Уже тогда Ленинград фактически оказался в блокаде.

12 августа танки под командованием Гепнера перерезали шоссе Ленинград – Нарва и взяли Кингисепп. 24 августа немцы взяли Чудово, 25-го заняли Любань, развивая наступление на юго-востоке. В результате действий восточного и западного флангов группы армий «Север», советские войска в Красногвардейском оборонительном районе оказались фактически в окружении. Командующий оперативной группой генерал Астанин получил разрешение на выход из окружения слишком поздно. 24 августа немцы вошли в Лугу.

Ворошилов и Жданов боялись докладывать о происходящем в Кремль. Чтобы выяснить ситуацию под Ленинградом, Сталин послал в город комиссию с чрезвычайными полномочиями. В составе комиссии – Молотов, Маленков, Косыгин. Они были поражены потерянностью командования города. Ворошилов метался по фронту и самолично поднимал солдат в атаку, Жданов проводил в Смольном бесконечные заседания.

Комиссия на месте утверждает план эвакуации и принимает решение о создании в городе полуторамесячного запаса продовольствия. Последняя мера крайне своевременна. 8 сентября немцы заняли Шлиссельбург, полностью окружив город. Начался отсчет дней ленинградской блокады.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Смирнов Юрий

Когда началась война, я работал на заводе в Ленинграде. 22 июня мы изготавливали миноискатели. Митинга не было, но нас до утра никуда не выпустили с завода. Сидели, ждали какие-то указания. Мы, комсомольцы, решили идти на фронт добровольцами. Числа 26-го мы подали заявление, 4 июля нас вызвали получить расчет и отправили в школу № 24, это на Васильевском острове, на Среднем проспекте. Там уже были офицеры, которые нас записывали по очереди. Первый взвод – Иванов, Сидоров, Петров и так далее. Нас строем повели в здание Ленинградского государственного университета. И там, в этом длинном коридоре, на втором этаже, где биологический и, по-моему, геологический факультеты, завели в аудиторию. На столах мы устроились, ночь переспали, утром подъем, на физзарядку. Так началась военная служба.

Мы пробыли в университете до 18 июля. Утром нас дообмундировали, организовали митинг во дворе (выступил секретарь райкома партии Шишмарев Алексей Андреевич), пожелали скорейшего возвращения с победой, и мы стартовали в Красное Село. Оттуда нас 3 августа направили в Гатчину. После того как Лужский рубеж прорвали немцы, нашему батальону

дали команду выставить боевое охранение в Вохонове, Елизаветине и Войсковичах. Там, в Вохонове, первое боевое крещение получил взвод младшего лейтенанта Генусова. Когда пошли немецкие танки, он орудие свое выставил на прямую наводку и подбил первый танк, за что его представили к ордену Красной Звезды. Там же мы потеряли Каспарова, нашего командира взвода.

Самый тяжелый для батальона бой состоялся 10 сентября. Наш отдельный артиллерийский пулеметный батальон Василеостровской дивизии народного ополчения держал оборону в районе Пудости и Мариенбурга. Там ширина по фронту – порядка пяти километров. Артиллерия у нас была малочисленна, танкоопасные направления недостаточно заминированы. Все это сказалось, когда на нас двинулись немецкие танки. Артиллерия подбила несколько машин. Танки повернули обратно, но на следующий день вернулись с подкреплением и стали уничтожать по одной наши огневые точки. К вечеру 11-го немцы взяли Пудость. Но и немецких танков много побили тогда.

Батальон был сформирован в основном из василеостровцев, трудящихся завода Козицкого, Калинина, других предприятий, а также студентов, аспирантов и преподавателей Ленинградского университета и Горного института. Батальон потерял больше половины своего личного состава в этом бою. Но мы с задачей справились: не дали отсечь пехоту от танков. 11 сентября меня ранило, и поэтому я не знаю, как было дальше. Батальон расформировали 21-го по приказу командующего Ленинградской армией народного ополчения, в связи с большой потерей личного состава.

Устиновский Юрий

Война меня застала под Ленинградом, на станции Александровская. Я в то время был курсантом Ленинградского технического авиационного училища имени Ворошилова, это на улице Красного Курсанта, где сейчас находится Военно-космическая академия имени Можайского. В 12 часов прозвучало выступление Молотова и практически сразу мы услышали вой немецких самолетов (в тот же день). Лагерь свернули, и мы вернулись в Ленинград. А потом примерно через две или три недели наш курсантский батальон отправили в район Чащи под Лугу. В то время это место называлось седьмым районом. Нам была поставлена задача – ловить диверсантов, факельщиков, парашютистов, если таковые будут обнаружены. Несколько мы обнаружили – тех, что сигналили ракетами. Это в основном были русские, из местного населения, завербованные в свое время немецкими разведками. Они обозначали объекты для бомбардировки, объекты, на которые можно было высадить десант.

Шу Мария

Война меня застала в Ленинграде. Я очень хорошо помню выступление Молотова и тот шок, который испытало старшее поколение. Мне было 16 лет, и я как-то не очень переживала, я была уверена, что война быстро закончится.

Первая встреча с боевыми действиями произошла на станции Сиверская. Когда я пошла на вокзал, то была просто ошарашена. На вокзале – столпотворение. Расписание поездов нарушено. Через какое-то время

подошел поезд из Луги. И вдруг неожиданно – налет немецкой авиации. Бреющим полетом на нас шел самолет. Я видела лицо летчика, до сих пор стоит перед глазами. Он летел очень низко и из пулемета расстреливал толпу. Я не знаю, сколько было жертв. Кто-то скомандовал: «Всем лечь!» Все легли покорно. Отстрелявшись, самолет улетел. Рядом со мной лежала убитая женщина, вся в крови, а рядом ползал ребенок. Я вернулась на дачу, потому что решила, что уезжать нельзя. На следующий день приехал глава семьи моих друзей и всех увез в Ленинград. Собирались быстро, потому что на станции уже пошел слух, что около Луги немцы. Второпях сели в набитый поезд. Два раза высаживались из-за бомбежки, но все-таки добрались до Ленинграда. В городе готовились к войне. Население закупало продукты, вначале они были в свободной продаже, карточки ввели позже. Потом продукты начали исчезать. По карточкам отпускался какой-то минимум. Очереди выстраивались огромные.

Потом начались обстрелы. Первые бомбы были зажигательные. На крышах домов установили дежурства, чтобы гасить их. Началось переселение людей из районов, более подверженных бомбежкам. Помню, что в Петроградский район из Октябрьского переселяли. Это в обязательном порядке. Первые фугасные бомбы появились перед пожаром на Бадаевских складах. Я помню, что ощутила содрогание дома, и помню, какое напряженное лицо было у мамы. В отличие от меня, она сразу поняла, что все очень серьезно. Сначала мы с первыми звуками воздушной тревоги спускались в бомбоубежище, потом уже так к ним привыкли, что оставались в квартире. Мама говорила: «Будь, что будет!»

Шу Мария

Сидоров Александр

Когда началась война, я был в воинской части 48-й автомобильной бригады. Базировалась она в Новом Петергофе. Буквально на следующий день нас подняли по тревоге и вывели в район Ропши, в так называемый пункт сбора, где ждали дальнейшего приказа. А приказ был такой: на складе загрузиться боеприпасами и подвезти их нашим кораблям, которые

базировались в Таллинском порту. Что мы и сделали, а потом сразу же вернулись в Ленинград, где полным ходом шла подготовка к обороне.

Наш 387-й батальон дислоцировался на улице Воинова (Шпалерной). Когда кольцо блокады замкнулось, нам приказали обеспечивать город продуктами.

Мы подвозили ленинградцев к Ладожскому озеру (бухта Мария, Осиновец, Вагановский спуск), там корабли Ладожской флотилии перевозили эвакуированных на другой берег, в район, где еще функционировала железная дорога. Это через Волховстрой. Обратно в город везли пополнение с Большой земли, боеприпасы и продукты. Порожние машины, идущие в город, на КПП не пропускали.

Ганелина Ирина

22 июня 1941 года у меня был экзамен по физиологии. Я заканчивала второй курс Первого медицинского института. Когда услышала, что началась война, большого страха не ощутила, мы ведь тогда думали, что наша армия быстро победит.

После экзамена по физиологии у нас был еще один экзамен, и я больше волновалась из-за учебы, чем из-за войны. А потом, в конце июля, нас, студентов, послали рыть окопы. Была хорошая, жаркая погода, студенческая компания, – рыли окопы с удовольствием.

Через некоторое время в городе началась эвакуация, и за мной приехал отец. Мать у меня была врачом и еще в конце июня уехала на фронт под Мурманск. Дядя тоже был врачом в госпитале, и их собирались эвакуировать. Отец решил отправить меня вместе с дядей. Я очень не хотела уезжать, ведь тогда, в августе мы не понимали, какая опасность нависла над Ленинградом. И вот нас погрузили в вагоны, и мы ждали отправления, а тут немцы взяли Мгу. Путь по железной дороге перекрыт. Вы знаете, у человека бывают дни, которые он считает счастливыми в своей жизни. В тот момент, когда отложили отъезд, я почувствовала себя очень счастливой, потому что осталась здесь.

Я знала многих людей, которые не эвакуировались, хотя могли. Друзья моего будущего мужа учились в университете, они могли уехать еще в августе, но остались из-за госэкзаменов. Они говорили: «Мы немцев боимся, но госэкзаменов больше». И остались. А я, когда эвакуация отменилась, вернулась к своим товарищам, туда, где мы рыли окопы. Потом уже, после войны, мой бывший начальник госпиталя рассказал, что эти окопы заняли немцы и оттуда их очень трудно было выбить. Вот так бывает: рыли для своих, а заняли немцы.

Ганелина Ирина

Галибин Константин

Я учился в институте имени Лесгафта. Большая часть наших студентов, включая девушек, ушли в партизанские отряды. Мне туда путь был закрыт – у меня был «белый билет» – поэтому я со своим приятелем Анатолием Филипповым определился в добровольческий отряд из спортсменов Ленинграда. Там насчет здоровья никаких разговоров не было.

Меня зачислили в качестве рулевого сигнальщика на одну из крейсерских яхт, потом списали на катер КМ-4 и отправили в Новгород в составе небольшого отряда. Я видел, как оттуда уходили на пароходах многие руководители.

Когда мы подходили к Новгороду, навстречу попались буксиры. Мне один очень запомнился: на палубе стоял громадный фикус в кадке, а вокруг него сидели, чаевничали. За ним второй, третий буксиры. Подошли к городу, видим, на берегу народу – тысячи, бегают, ждут эвакуации. А катер может взять 10–20 человек.

Наш командир, старший лейтенант дал команду догнать эти буксиры (у нас скорость была побольше) и вернуть назад. Мы догнали, вернули. А у берега стояли громадные баржи бревенчатые, заполненные людьми. Заставили их взять на буксир баржи, но они не смогли их сдернуть, не хватало сил.

Утром налетели самолеты, начали бомбить Новгород. Мы по этим самолетам стреляли, но они вооружены были лучше. Когда город сдали, мы должны были не допустить форсирования Волхова немцами. Но катерам с одним пулеметом трудно было это сделать.

Среди нас никогда не было речи о том, что Ленинград может быть сдан. О Москве даже говорили. Но чтобы Ленинград! С кем бы ни общались – такого не было. Я не знаю, как считать в процентах, но то, что за нами был Ленинград – это в немалой степени помогло одержать победу.

Глава 2

Враг у ворот

8 сентября в 7:40 утра фельдфебель 3-й роты 424-го пехотного полка поднял на колокольню Шлиссельбургской церкви немецкий флаг. Кольцо блокады замкнулось. Однако покорителей Шлиссельбурга ждал неприятный сюрприз. Из старинной крепости Орешек, расположенной в истоке Невы на острове в двухстах метрах от Шлиссельбурга, по немцам ударили две пушки. В тот день в Орешек было отправлено 10 моряков – забрать со склада принадлежащие Ладожской флотилии запасы. Пока занимались погрузкой, немцы уже ворвались в район порта. Моряки оказались свидетелями того, как в порту фашисты расстреливали людей. Не в силах сдержаться, краснофлотцы стали искать в казематах что-нибудь пригодное для стрельбы. Нашли два орудия без прицелов и боеприпасы, установили их на башне, и Николай Канушкин, имевший опыт артиллериста, выстрелил по немецкой батарее. Так началась оборона крепости Орешек. Немцы решили, что крепость защищает большой гарнизон, и не стали сходу штурмовать. В Ленинграде быстро поняли, в чем дело, и прислали подкрепление: капитана Алексея Морозова с группой из 13 краснофлотцев. Они привезли семь 44-миллиметровых пушек и 6 станковых пулеметов, оборудовали стрелковые точки. Балтийцам в крепости пришлось выдержать невероятные испытания. Только во время одного обстрела немцы выпустили 248 тяжелых снарядов и 1000 мин. Но Орешек держался всю ленинградскую блокаду.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Канашин Иван

Отправили меня в крепость Орешек. Нас было пять человек, погрузились мы в шлюпку и поплыли. Немцы нас заметили с другого берега и открыли шквальный огонь. Шлюпку перевернуло, мы все оказались в воде. Течение там сильное, и трое из нас сразу утонули. А я кое-как, через силу, поплыл к ближайшему берегу и оказался на островке крепости. Весь гарнизон крепости – 260 человек, не считая морской батареи (тех, наверное, еще человек 30): пулеметный взвод, артиллерийская батарея и 2 взвода противотанковых ружей. Все необходимое доставляли на лодках, ночью. И боеприпасы, и медикаменты, и сухой паек. Выдавали 250 граммов хлеба и кое-какие консервы.

В Орешке я был наводчиком знаменитого орудия «Дуня». Оно стояло на крепостной стене. Мы сделали над ним укрытие и били по немцам прямой наводкой. Снарядов сначала хватало, а потом стало мало. К нам ночью шел катер с ящиками снарядов. Немцы его утопили. И мы ночью на шлюпках подходили к этому месту, ныряли, ящики оттуда доставали, грузили на шлюпки и возили в крепость.

Немцы время от времени пытались крепость взять. Зимой они подходили по льду, но мы такой шквальный огонь открывали из пулеметов, что они отходили обратно. И летом пытались. И снова мы их отгоняли. Но фашисты, в отличие от наших, жалели своих солдат и не хотели, чтобы они зря погибали. Они прекратили попытки брать штурмом и стали постоянно бомбить. Мы, чтобы пройти по территории крепости, вырыли повсюду траншеи, а жили в башнях.

В крепости я стал комсоргом батареи. Я командиром отделения был, а по званию – старший сержант.

Оборона крепости Орешек

Кольцо блокады сомкнулось стремительно и внезапно. В Ленинграде уже казалось чудом, если кто-то может остановить сокрушительный марш германской армии. Боевые части Красной армии, способные противостоять вермахту, были наперечет. 31 августа ленинградские газеты вышли с заголовками «Слава отважным воинам части Бондарева! Сражайтесь, как бондаревцы!» К этому моменту дивизия Бондарева воевала на Ленинградском фронте всего 2 дня.

В июле 1941-го дивизия Бондарева была прижата финскими войсками к Ладожскому озеру в районе Сортавалы. В сводках финского командования она значилась как уничтоженная. Однако Бондарев сумел на кораблях Ладожской флотилии с минимальными потерями эвакуировать весь личный состав, технику и даже артиллерию на остров Валаам. Оттуда дивизию переправили под Ленинград, и в тот же день она вступила в бой в районе Тосно. 29 августа передовой 407-й полк 121-й пехотной дивизии вермахта, марширующий к Ленинграду, был застигнут врасплох. Противник был не только остановлен, но окружен и разбит. Бондаревцы захватили 300 пленных, 46 орудий, десятки автомашин и полковое знамя.

После этой победы по Ленинграду разошлись слухи о целой армии Бондарева из Сибири. Впрочем, немцы тоже скоро оценили, с кем имеют дело, и в своих листовках называли 168-ю «дикой дивизией генерала Бондарева, обманутого большевиками». Оказалось,

профессиональная, кадровая часть с грамотными командирами способна творить чудеса. Но все же, не способна спасти фронт.

ДОСЬЕ:

Бондарев Андрей Леонтьевич, полковник, 40 лет. Участник Гражданской войны. Командовал дивизией в Финской войне, награжден орденом Красного Знамени. По отзывам сослуживцев, в любой ситуации сохранял спокойствие, командовал «без голосовых связок». Не терпел действий по шаблону, в боях берег личный состав. В 1941 году командир 168-й стрелковой дивизии.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Краснопеев Иннокентий

Начало войны меня застало на четвертом курсе Военно-медицинской академии. Нас сразу же перевели на сокращенную программу пятого курса. 9 сентября, когда началась блокада Ленинграда, весь мой курс (а это 262 человека) досрочно выпустили из Академии без дипломов, выдали справку об окончании курса и отправили на фронт. Таких, как мы, называли еще в Первую мировую войну зауряд-врачами. У меня было назначение в одну из дивизий, в медсанбат, командиром хирургического взвода, но когда я добрался до медсанбата, его уже расформировали, – вывозили последние повозки с имуществом. Я говорю: «Отправляйте меня в любую часть». И меня отправили в 168-ю дивизию¹² Бондарева, которая знаменита тем, что

¹² 168-я стрелковая дивизия в начале войны дислоцировалась северо-западнее Сортавалы. К концу июля 1941 года финны прижали ее к северо-западному берегу Ладожского озера. С 18 августа 1941-го дивизия эвакуировалась через

на смерть стояла в обороне Ленинграда. Это была кадровая дивизия. Она воевала на Карельском перешейке и, когда ее перевели под Ленинград, все свое оружие привезла. А как встала под Пушкиным, так немцы ее не могли стронуть с места, – она сама отступила, когда получила приказ оставить город.

Я был врачом 402-го стрелкового полка. Полковой медицинский пункт находился в Пушкине, на Слуцком шоссе (ныне – Павловском), дом 26. У меня память не очень хорошая на адреса и имена, но этот адрес я запомнил на всю жизнь, потому что там началась моя служба. К нам поступало много раненых. Медикаментов хватало, но ими почти не пользовались. Солдатам давали водку для обезболивания, перебинтовывали и отправляли в тыл. Лечить было некогда. Бои шли очень напряженные. Пушкин сдали 18 сентября.

Немцы на передовой разбрасывали листовки и пропуска через линию фронта. В одних листовках они гарантировали, что будем у них жить свободно, другие были со словами: «Питерские дамочки, не ройте ямочки, придут наши таночки, заткнут ваши ямочки». Кидали листовки со снимком сына Сталина, Якова (он был артиллеристом, командиром батареи и попал в плен), но мы их использовали на самокрутки, либо на ветер ходить. Бумага – то хорошая, мягкая.

Муштаков Порфирий

Мою батарею часто перебрасывали с одного места на другое, потому что она дальнобойная. Однажды забрались мы на дерево, наблюдательный пункт себе там сделали. Стереотрубу прикрепили и смотрим: выезжает немецкая батарея на конной тяге, как и у нас, и начинает разворачиваться. Я сразу накалываю точку на карте и докладываю командиру дивизиона. Он мне приказал немедленно открыть огонь. Я начал стрелять залпами. Через три залпа уже «вилку» (есть такой термин в артиллерии) захватил. Потом – беглый огонь прямо по орудиям. Там взрывы, темные клубы – точное поражение было. Вообще, наши артиллерийские орудия на высоте были. Я как кандидат военных наук считаю, что не даром Сталин называл артиллерию богом войны. Ведь наша артиллерия была более качественная, чем немецкая. 105-миллиметровая немецкая пушка по калибру меньше, чем наша, но она неуклюжая. Я это и до войны знал, и во время войны видел. Немецкая – тяжелая, в два раза тяжелее, чем наша 122-миллиметровая. Но, несмотря на это, нам приходилось отступать на Лужском рубеже. Наши танки КВ и Т-34 – лучшие в мире, но их не хватало. Ведь у нас перед началом войны было только 1142 танка. А у немцев – 5 с лишним тысяч.

Муштаков Порфирий

КОМАНДИРЫ И БОЙЦЫ!

Германские войска стоят под Ленинградом. Киев ими уже взят. Москва эвакуируется. Положение Красной армии безнадежно. Скоро советская власть исчезнет!

Прекращайте бессмысленное кровопролитие! Подумайте о вашем будущем. Уничтожая при своем отступлении города и села, мосты, железные дороги и склады, вы уничтожаете тем самым средства, необходимые для восстановления вашей родины.

ГЕРМАНСКАЯ АРМИЯ

борется исключительно против террора и произвола коммунистов. Германская армия обещает вам хорошее обращение. Бросайте оружие и переходите на нашу сторону!

Гоните в шею комиссаров,
которые снова восстановлены
в правах, для того чтобы
сорвать дело мира!

Да здравствует мир и процветание свободных народов
вашей родины!

157 RA

Пропуск действителен для неограниченного количества перемещений на сторону германских войск командиров и бойцов РККА.

ПРОПУСК

Противитель, сего, не желая бессмысленного кровопролития за интересы жидов и комиссаров, оставляет побежденную Красную Армию и переходит на сторону Германских Вооруженных Сил. Немские офицеры и солдаты окажут переднему хорошему прием, накормят его и устроят на работу.

(Перевод на немецкий язык смотри рядом)

Passierschein

Vorratiger dieses wünschelt kein ständiges Blutbad im Interesse der Juden und Kommissare. Er verlässt die geschlagene Rote Armee und geht auf die Seite der deutschen Wehrmacht über. Die deutschen Offiziere und Soldaten werden den Überläufer gut behandeln, ihn versorgen und die Beschäftigung sorgen.

Der Passierschein gibt ihm eine wehrschützende Anzahl von Offizieren und Soldaten der Wehrmacht, die im deutschen Wehrmarkt übergehen.

Самохвалова Татьяна

Когда началась война, я училась на агронома в институте в Пушкине. После 22 июня нас стали отправлять по домам. А мне сказали остаться, так как я в 1940-м окончила курсы медсестер от Красного Креста. В комсомольской организации сразу после объявления войны составляли списки тех, кто может работать в подполье. Я записалась туда. Но уже 10 июля приехали два майора из 10-й артиллерийской дивизии – им нужны

были две сандружинницы. Так я и попала в 62-й полк, 3-й дивизион 10-й дивизии¹³ под командованием капитана Викторова.

Первое боевое крещение получила под Петергофом: первые раненые, первые бои. Второе – в лесу Ораниенбаума. Там было столько раненых, что трудно представить. Я была вся в крови – руки, гимнастерка, штаны. Помню, как из леса прибежали два моряка и кричат: «Сестричка, сестричка, давай к нам, у нас там полно моряков раненых». И я ушла их перевязывать. Тогда я впервые увидела моряков. У них ленты с патронами крестами по всей груди и автоматы (забирали их у убитых немцев). Я до этого автоматов совсем не видела.

Я перевязывала группу раненых, когда началась атака немцев. А у моряков было мало патронов, и они развязали свои ремни и начали бить немцев пряжками. Такого я больше не видела за всю войну.

Хомивко Иван

Я учился в электромеханической школе, расположенной в Кронштадте. На второй день войны мы, большинство курсантов, из патристического порыва начали подавать рапорты, чтобы отправили на фронт. Меня (после третьего рапорта) и еще 12 курсантов зачислили в морскую пехоту, в 7-ю морскую бригаду¹⁴ полковника Парфилова. Но это было уже в сентябре, когда враг подошел к стенам Ленинграда. Бригада состояла из личного состава кораблей Балтийского флота и учебных отрядов. Там было около 5 тысяч человек. Нашим командиром батальона был капитан Чапаев, так что мы в шутку называли себя чапаевцами.

Заняли мы оборону между Пушкиным и Колпино: правое крыло упиралось в Пушкин, а левое – в Красный Бор. Наш взвод стоял на Московском шоссе. Моя стрелковая ячейка располагалась буквально в кювете. Ночью пришли, расставили бойцов по окопам, по ячейкам, и наш командир взвода лейтенант Михайлов стал переходить с бойцами через Московское шоссе, его здесь шальная пуля скосила. Там местность ровная, никаких кустов, только капустное поле. У нас не было землянок, были капониры в окопах. Немцы обстреливали ежедневно, с утра до вечера. Не давали даже покушать, все время был обстрел. Накрываешь себя шинелью, котелок держишь и кушаешь. Они стояли буквально в 120 метрах. Они на штык поднимали буханку хлеба и кричали: «Матрос, кушать хочешь – переходи к нам!» Оружия, боеприпасов не хватало. Выдавали по 4 гранаты и винтовку. У немцев были автоматы, а у нас – винтовки.

В начале сентября 1941 года немецкая пехота – под Ленинградом. Захватчики уверены, они не зря прошли с боями 800 километров от границ Восточной Пруссии. Теперь будут гулять по улицам и набережным бывшей царской столицы. Линия фронта уже в районе Сосновой Поляны. Разведка вермахта на мотоциклах достигла Кировского завода. 11 сентября Восточно-Прусская 1-я дивизия штурмом взяла Красное Село.

¹³ 10-я стрелковая дивизия летом 1941 года отступала с боями из Литвы, участвовала в Таллинском переходе. В сентябре 1941 года в боях под Стрельной потеряла половину состава. Вела бои в Петергофе и оставила его последней.

¹⁴ 7-я бригада морской пехоты сформирована из личного состава Балтийского флота 12 сентября 1941 года. В составе действующей армии во время Великой Отечественной войны с 18 сентября 1941 года по 15 декабря 1941 года. Вела бои в районе Пушкина, Колпино, Ям-Ижоры, Московской Славянки.

Ближе всего враг подошел к городу на двух направлениях: со стороны Кировского завода и Средней Рогатки. Но если на юго-западе немцы прорывались через плотную городскую застройку, то с юга их ждали лишь поля совхоза «Шушары» и редкие цепи красноармейцев.

Дороги были заполнены беженцами и солдатами, отступающими из Пушкина, Павловска, Гатчины. Тысячи людей тянулись по равнине. И все они – легкая добыча для немецкой авиации. В Ленинграде 3 дня пылали разбомбленные Бадаевские склады, где хранились 3 тысячи тонн муки и 2,5 тысячи тонн сахара.

В Ленинград стекались вооруженные, деморализованные солдаты и матросы, потерявшие своих командиров. И казалось, что город уже открыт, никто его не защищает, завтра в Ленинград придут немцы.

Все ждали решающего штурма. Блокадный Ленинград превратили в крепость. Укрепления строились не только на окраинах, но и в самом центре. Даже Невский проспект стал линией обороны. Немцы наступали с юга. Поэтому на северной стороне Невского все угловые дома оборудовали для уличных боев. Занимались этим бойцы специальных частей НКВД.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Юркин Григорий

Нашему полку было приказано готовить оборону внутри города на случай прорыва немцев. На Литейном проспекте в угловых домах мы оборудовали огневые точки для пулеметов и минометов. Делали скрытые проходы между домами по подвалам и крышам, создавали отдельный командный пункт. Мы даже обучали жителей этих домов, на случай если придется вести бои. Даже сейчас, проезжая по Литейному, я смотрю, где были у нас установлены эти точки. Даже в Большом доме устроили пулеметные гнезда.

Оборону организовали по всему городу. Московские ворота были разобраны, большими металлическими фрагментами перегородили улицы. А Московский проспект был покрыт маскировочной сеткой, потому что на фронт шли машины, а немецкие летчики их все время расстреливали. До самого Пулково эта сетка была установлена.

Жители Ленинграда!

Слушайте нас, пока не поздно. Ваши управы призывают вас на защиту Ленинграда. Если вы последуете этому приказу, вы обречете сами себя на верную гибель.

Германцы за эту войну заняли столицы многих государств. Все большие города, население которых отказалось от бессмысленной защиты, остались целыми, их жителям не было причинено никакого вреда.

Например Париж:

Эта фотография изображает столицу Франции после передачи города немецким властям.

Города же, жители которых, слушаясь преступных советов, решились на укрепление домов и на военную оборону, были уничтожены ураганом германских бомб и снарядов.

Например Варшава:

Эта фотография показывает столицу Польши после бомбардировки.

Жители Ленинграда, хотите ли и вы погибнуть под развалинами вашего города? Нет! Вам хочется жить. Поэтому не содействуйте сопротивлению и требуйте мирную передачу Ленинграда германским властям.

Германцы не являются врагами народов СССР. Не верьте наглай лжи, которой вас запугивают ваши комиссары. Германцы-народ культурный и уважают мирное население.

Долой войну!

Листовка, обращенная к населению блокированного Ленинграда с призывом требовать мирной передачи Ленинграда германским войскам
1941 г.

Москаленко Нина

Трое суток по направлению к Пулковской горе шли наши мужчины-ленинградцы, колонна за колонной. Мне казалось, что это целая стена, целый город выстроился и идет на защиту своего Ленинграда.

Когда началась канонада, было похоже на землетрясение силою 6 баллов, потому что почва тряслась под ногами. Я перепугалась и побежала к трамвайной остановке, чтобы добраться в центр города (трамвай у нас был № 39). За мной бежали мама и братья. Трамвай стоял на кольце, водителя не было, людей тоже не было. От тряски трамвай скользил по рельсам взад-вперед. «Мессершмитт» летел, издавая страшный, противный вой. От этого воя можно было сойти с ума. На бреющем полете он строчил из пулемета по бегущим людям. Мы упали в канаву. Как выбрались, не помню. Но добрались до города. Всем беженцам давалась в центре жилплощадь эвакуированных

людей. Мой муж определился на Лиговке, 124. Там, в основном, проходило мое блокадное время.

Королева Зинаида

Война меня застала на рабочем месте (я портниха), по радио услышала речь Молотова о начале войны. Примерно в конце июля – начале августа я уже была на оборонных работах в Копорье – копали противотанковый ров. Из Копорья нас отправили копать рвы в Петергоф (мы пешком добирались), а потом в Стрельну. В Стрельне ужас: гонят скот – ржание лошадей, блеяние овец, крики детей. Начальник наш сбежал, и мне пришлось руководить сотней рабочих. Рабочие там делились на сотни, у меня, по-моему, была одиннадцатая. Ров мы рыли зигзагами, на случай высадки десанта с моря, это примерно там, где Константиновский дворец. Мы ушли из Стрельны за два часа до того, как ее заняли немцы.

Потом я строила баррикады около Кировского завода. А затем работала по специальности – выполняла военный заказ: шила шинели, ватники.

Однажды мы с мамой пошли в Гостиный Двор. И в это время начался обстрел. Один снаряд попал в Гостинку – со стороны Садовой между первой и второй колоннами. Мама попала под этот снаряд, сзади нее женщине оторвало нижнюю челюсть. Мама за меня волновалась, она ее приставила к витрине и пошла меня искать. Мы перебежали Невский и переждали эту тревогу в бомбоубежище.

Королева Зинаида

Юркин Григорий

Мы в начале войны размещались на Международном проспекте (сейчас Московском), в школе. Круглые сутки, днем и ночью по проспекту шли беженцы. Везли свой скарб на себе, на всем, что имело колеса: на тачках, детских колясках, велосипедах. Размещали их по всему городу: в спортивных залах, в пустых помещениях, а сколько прибыло точно – сказать никто не может.

Был такой случай. Чтоб бойцы не скучали, я установил турник прямо у двери. Был солнечный день, около школы собралась вся рота. На турнике показывают друг другу, на что способны. Тут солдат выходит из кухни и говорит, что в столовой все готово, можно заходить. Я построил роту и завел в столовую. Вдруг раздался страшный взрыв, вылетели окна вместе с рамами. Когда мы вышли из столовой, то на месте турника была глубокая воронка. Если бы на одну минуту позже позвали нас, то трудно представить, что бы осталось от нашей роты. Мы даже потом этого солдата благодарили.

Помню еще один случай. Там, где размещался батальон, стояли машины поливочные. «Голубки» мы их называли, по голубому цвету. Они очень здорово нам помогли. Мы к ним приделали довольно мощный пожарный насос, и наши «голубки» тушили пожары. Объявили воздушную тревогу, я взял снайперскую винтовку и встал рядом с землянкой. Смотрю, летит «юнкерс» со стороны Пулкова в сопровождении истребителя. Я в оптический прицел наблюдаю, но сбить «юнкерс» из винтовки – это практически невозможно. И я заметил, что от него падает бомба и летит прямо на меня. Ну, скорость падения бомбы примерно 50 метров в секунду, а высота примерно 400 метров, значит, в моем распоряжении было 4 секунды. Я бросил винтовку и прямо ласточкой нырнул в землянку. Представляете, я никогда даже не предполагал, что земля может так качаться. И когда я потом, оглушенный, контуженный, вылез наружу, смотрю – одна из «голубок» наших заброшена на мастерскую, кверху колесами лежит. Счастливая случайность, что остался я живой.

Короткевич Нина

С первого дня войны театральный институт организовал агитбригаду. Я была зачислена в нее с танцевальным номером. Мы сразу стали выступать на мобилизационных пунктах, а потом нас направили в гатчинский гарнизон. Мы сели в машину, приехали туда уже в костюмах. Вдруг какой-то военный подлетает к нашей машине: «Куда вы приехали?! Зачем вас сюда привезли?! В пяти километрах немцы!» Мы поехали обратно. Слышали разрывы снарядов, невероятный шум. И вслед за нами самолеты немецкие летели, мы должны были с машины соскакивать и прятаться в огороды. Самолеты пикировали на дорогу и делали так: «жжжжжжжжж» и «ды-ды-ды-ды», из пулемета наверное. Три раза делали облет. Вот это было первое потрясение. Поначалу никто серьезно войну не воспринял. После этой поездки война воспринималась нами уже по-другому.

Пенкин Алексей

Конечно, не ожидали, что будет такая сильная, уничтожающая война. Народ, надо сказать, стойко переносил это, не падал духом.

Помню такой случай. Ехал я в трамвае в сторону порта, Ленинград в блокаде, кажется, еще не был. И слышу, на русском языке говорят: «Вот, что вы тут сопротивляетесь? Ленинград все равно погибнет. Сдавайтесь. Если придут немцы – они ваши освободители и все». Ну, тут к ним подошли (видимо, сотрудники органов) и говорят: «Молодые люди, давайте выйдем». Ну, их взяли. Куда дели, я не знаю.

На стол руководства регулярно ложились спецсообщения НКВД о ситуации в городе и настроениях ленинградцев. Они не были похожи на бравые реляции советской пропаганды, зато отражали истинное положение дел.

Из спецсообщения НКВД: «За последнее время в Ленинграде возросли пораженческие настроения. Значительная часть лиц считает: войну с Германией Советский Союз проиграл, Ленинград и Москва будут сданы».

Часть населения полагала, что город можно спасти, лишь сдав его неприятелю. Эту идею даже пришлось обсуждать в советской прессе. 25 сентября 1941 года газета «Ленинградская правда» напечатала необычайно смелую статью «Старые знакомые». В статье – разговор двух подруг: «Стоит ли сопротивляться? Не лучше ли шапку снять и милости ждать. Отдать город и спастись». Подруги, конечно, решили не сдаваться. «Возьмем винтовки – будем драться на улице».

Вскоре в органы НКВД поступила информация – винтовки могут повернуться и против советской власти.

Из спецсообщения НКВД: «В конце октября начали поступать сигналы о готовящемся в Ленинграде военном перевороте. Рабочий завода “Красный треугольник” рассказал, что два командира Красной армии ему посоветовали: “Вы, рабочие, должны восстать против советской власти. Восстаньте без оружия, а мы, военные, вас поддержим”».

Силы НКВД в Ленинграде были невелики. Но штат негласных осведомителей непрерывно возрастал. Кроме того, самые обычные граждане считали своим долгом сообщать о подозрительных личностях и антисоветских проявлениях.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Москаленко Нина

Жители города были распределены по домам: кто зажигалки тушить, кто на крышу к зениткам, кто дежурить у ворот. Объявили, что высадился немецкий десант на Волково кладбище.

Люди начали смотреть друг за другом. Не ты ли шпион, не ты ли немец? Мы с мужем идем по Разъезжей. Смотрим – на площадке трамвая стоит мужчина и крутит пальцем у виска. Его схватили, потому что подозрительная личность.

Мой муж зашел в парикмахерскую, а я стою и думаю: а вдруг немцы вот с этого угла пойдут? Я заглядываю. А если с этого? Я туда поворачиваюсь. Тут меня хватают какие-то люди. И ведут. Но в это время муж выскакивает из парикмахерской, летит за мной и кричит: «Это моя жена, это моя жена!»

Муж как-то ночью шел без пропуска, так его больше суток продержали в милиции. Была обстановка очень напряженная.

уьз1

Смирнова Ольга

Конечно, люди были очень подозрительны. Даже меня один раз задержали. Мне надо было для племянницы свидетельство о рождении получить, я в ЗАГС шла. На улице ребяташки играют, маленькие, 5–6 класс, может. Я говорю – ребята, а где ЗАГС здесь? – А, тетенька, пойдем, мы тебе покажем. И привели меня в милицию. Мы так потом смеялись.

Но что интересно, – все старались помочь городу и стране. Все, даже эти маленькие мальчишки. Задача нашего истребительного батальона была вылавливать диверсантов и шпионов. Мы и оборону несли, и, если надо было, поднимались ночью, и по болотам ходили, если там замечали парашютистов. Ну а я, медсестра, всегда с ними.

Шпионы – были. Была же Пятая колонна в городе, которая помогала фашистам. Ракеты пускали для самолетов, указывали, где что бомбить. Как-то вечером мы ехали мимо завода Воровского. Началась бомбежка. Вот с этого завода летели ракеты, а самолет бросал зажигательные бомбы.

уьз1

Шу Мария

О сдаче города немцам разговоров не было. Только один раз, когда я навещала двоюродного брата, я услышала слова милиционера: «Надо готовиться, что немцы могут войти в город».

По городу распространялись разные слухи. Например, о диверсантах-сигнальщиках. Я сама слышала об этом и даже видела, как ракеты запускали в нашем районе.

Щупляков Эриксон

Начало войны застало меня в Ленинграде. Никакой паники не было. Это уже потом, когда Бадаевские склады разбомбили, – тогда поняли ужас войны. У кого были деньги, начали скупать продукты. В сентябре уже хлеб выдавали по карточкам. Начались бомбежки.

Были вредители, которые стреляли из ракетниц и указывали немцам, что бомбить. Я жил на Васильевском острове, около Дворца культуры Кирова. Там из-за котельной кто-то пустил ракету, мы, мальчишки, увидели и сразу побежали к взрослым. Говорят, его нашли и в милицию сдали.

Щупляков Эриксон

Сигналы ракетами в Ленинграде видели не только простые горожане. Десятки наблюдательных пунктов документально фиксировали каждый случай. Из донесения 19 сентября 1941 года с наблюдательного пункта Исаакиевского собора: «Район порта и Балтийского завода – 5 белых ракет. Левее здания НКВД отмечена белая ракета». В этот день в разных частях города было замечено 14 вражеских сигналов.

Органы НКВД и милиция организовывали засады, проводили массовые облавы. Например, в ночь на 14 сентября в засадах участвовало около 10 тысяч человек. Однако сигнальщики-ракетчики остались неуловимы.

В архиве ФСБ сохранилось лишь одно следственное дело вражеского ракетчика. Им оказался 16-летний ученик ремесленного училища Петр Самусенко. Согласно материалам следствия, Петр Самусенко признался: он пускал ракеты по заданию немецкого офицера. Но кроме признательных показаний, в деле нет вещественных и каких-либо других доказательств виновности. Следователи даже не потрудились обстоятельно проверить показания мальчишки. Взяли его при попытке перейти линию фронта. Он хотел вырваться из голодного города и уйти к родителям в Белоруссию. Допрашивали Самусенко по ночам и подолгу. Показания его с каждым допросом разительно менялись. Возможно, следователи просто заставили подростка дать признательные показания. В 1941-м трибунал осудил его на 10 лет и дальнейшая его судьба неизвестна. В наше время после рассмотрения материалов дела, прокуратура пришла к заключению: Петр Самусенко подлежит реабилитации.

Осужденный как вражеский ракетчик 16-летний Петр Самусенко

Версия о германских шпионах-ракетчиках не подтверждается и немецкими источниками. В архивах не найдено ни одного отчета германских спецслужб о заданиях агентуре подавать световые сигналы. Напротив, сигналы ракетами из осажденного города явились полным сюрпризом для немецкой разведки и летчиков, бомбивших Ленинград.

Из донесения немецкой разведки 16 октября 1942 года: «По ночам во время налетов немецкой авиации передаются световые и ракетные сигналы, которые в большинстве случаев не имеют никакой связи между собой и своей бессмысленностью отражают типично русский характер».

Судя по всему, этими бессмысленными сигнальщиками были люди, которые без всякого задания пытались помочь вражеской авиации. Которые с надеждой ждали прихода немцев.

В архиве ФСБ сохранилось следственное дело рабочего Константина Иванова. Он подавал сигналы немецким самолетам, но не ракетами, а с помощью фонаря. Показания свидетелей и следственный эксперимент полностью изобличают сигнальщика. Согласно заключению прокуратуры, реабилитации он не подлежит. Мотив преступления – ненависть к советской власти. Иванов из раскулаченной семьи, был осужден за недосдачу продналога. И таких недовольных в Ленинграде было много. Даже лояльные к советской власти поддавались паническим, пораженческим настроениям. Этого эффекта и добивались немцы обстрелами и бомбежками. Постоянный террор должен был сломить волю к сопротивлению.

Немецкие аэродромы оказались слишком близко от Ленинграда. Посты ПВО не успевали вовремя предупреждать о налетах. Но советская разведка нашла выход. В блокадном Ленинграде создали УКВ-приемники, работающие на частотах немецкой авиации. Организовали посты радионаблюдения. Для борьбы с немецкой авиацией использовали Исаакиевский собор. Офицер, знающий немецкий язык, поднимался на самый верх – на купол собора. Высота там – 100 метров. Во время авианалета он включал УКВ-приемник и отлично слышал переговоры немецких летчиков.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Басистов Юрий

С начала войны я служил в радиоразведывательном дивизионе Ленинградского фронта, в группе, которая занималась разработкой системы перехвата радиопереговоров немецкой авиации во время налетов на Ленинград. Долго выбирали место, откуда лучше всего вести перехват и остановились на Исаакиевском соборе. Там почти под самым куполом был установлен пост.

Я работал в самое холодное и тяжелое время для Ленинграда, с декабря 1941 года. Сидели во время бомбежки, каждый день с вечера и до ночи. Мы очень отчетливо слышали переговоры между экипажами немецких самолетов. У них были позывные, и я до сих пор помню: «Антон айнс. Антон цвай». Они говорили между собой о квадратах, где бомбили, об успешности операций, они даже интересовались друг у друга, с собой ли шоколад сегодня или нет. Видимо, немецкие летчики не подозревали, что их подслушивают. Эти данные нашим ПВО очень пригодились. Ведь немцы сильно бомбили город. Они стремились, прежде всего, поразить военные цели, где, как они полагали, находились штабные организации, поэтому бомбили Смольный. Во-вторых, выборочно бомбили жилые кварталы. Это были бомбежки чисто террористического плана для запугивания населения. Однажды на моих глазах бомба попала в пятиэтажный дом и пробила его сверху от крыши до подвала.

Саксин Иван

В Новом Петергофе размещался штаб и политотдел кронштадтского участка ПВО КБФ. Этому штабу была передана спецрадиорота. Нас встретил командир, полковник Поздняков. Он поздоровался со всеми за

руку, что для нас было очень необычно, и сказал, что на автомобилях ГАЗ-АА находится специальная автоматическая аппаратура по обнаружению самолетов. Называется она «РУС» – радиоуловитель самолетов. И добавил: «Вам нужно в ближайшее время изучить ее в действии, мы будем направлять вас в различные районы, не занятые еще немцами, чтобы оттуда сообщать в штаб данные о самолетах». Вот мы и приступили. Несколько машин ушли в район Кингисеппа, в Волосово. А нашу – прикрепили к штабу. Штаб сначала помещался в 4 километрах от Нового Петергофа, во дворце Бельведер. Там же размещался штаб ВВС Балтийского флота. Но немцы скоро подошли к Петергофу. Весь личный состав был брошен на линию фронта. Большая часть погибла.

21 сентября мы ушли из Нового Петергофа в Ораниенбаум. В Ораниенбауме ночь переночевали в лесу и прибыли в Кронштадт в форт Шанс. Оттуда меня и еще одного бойца по фамилии Гильдин направили на новый формирующийся бронепоезд с аппаратурой, которая находилась у нас на машинах. Дали передатчик РБРФ и приемник УС на 15 диапазонов. УС – это значит унифицированный самолетный.

Бронепоезд строили рабочие Кронштадтского морского завода. А вооружали рабочие «Арсенала». Вооружение брали с погибших кораблей. В частности, при налете немецкой авиации 21–23 сентября на восточном рейде был потоплен эсминец «Стерегущий». А глубина небольшая была, и командование приняло решение демонтировать пушки и поставить их на бронепоезд. С этого же эсминца был демонтирован трехметровый дальномер – прибор управления зенитным огнем. Кроме того, на бронеплощадке поставили счетверенный пулемет М-4 и два пулемета ШКАС. Это авиационные скорострельные пулеметы. В бронепоезде были три товарных вагона, переоборудованных под жилье личного состава, специальный вагон под камбуз, вагон под санитарную часть и химическую часть.

В Кронштадте, на острове Котлин, была железная дорога от города до форта Константин. Вот по этой дороге и ходил бронепоезд.

Авербах Вениамин

Меня вызвали в горком комсомола. Пришел, мне говорят: «Вениамин Аркадьич, мы вас мобилизуем. В Ленинграде создается комсомольский полк противопожарной обороны города. Мы вас туда назначаем политруком роты. В Кировский район».

В Ленинграде были создано 16 рот. Наша базировалась у Нарвских ворот – Промышленная улица, 28. Находились мы на казарменном положении, бегать никуда не разрешалось, – мы в любое время суток должны быть готовы выйти на пожар.

Задача перед нами стояла простая – подготовить население к противопожарной обороне. Чтобы в домах были элементарные средства защиты: огнетушители, песок, шанцевый инструмент, ломы, лопаты. Рота в основном состояла из молодежи 15–16 лет. Даже находили работу 14-летним. А командирами взводов управление назначало опытных пожарных, знающих все и способных обучить молодежь.

8 сентября на нас посыпались зажигательные бомбы. Пожары тушили, как могли. Их в тот день много было в городе, и кадровые пожарные части, конечно, едва справлялись.

Я скажу, что молодцы и девчонки, и мальчишки. Они шли на тушение огня совершенно спокойно, без всякого страха. Только наш полк принимал участие в тушении примерно 2 тысяч пожаров.

Михайлова Ольга

Я родилась в Ленинграде, в семье потомственных путиловских рабочих. Дедушка и мои дядя работали всю жизнь на Путиловском заводе, ныне Кировском. Я хорошо помню, как началась война. Был такой радостный, солнечный день. И вдруг мы слышим по радио сообщение. Сразу побежали на завод. Там было собрание, а потом люди записывались в Кировскую дивизию. Наш комсорг Яша Непомнящий сказал нам с подругами: «Оставайтесь! Здесь вы будете нужны больше. Надо кому-то работать и защищать наш завод». Так мы с подругами и остались. Когда начались бомбежки, я записалась дежурить на крыши домов – сбрасывать зажигалки.

Каждый день был обстрел, заставлял всегда по пути на работу или домой. Я пережидала его в канаве, что рядом с дорогой. Иногда по часу приходилось лежать. Немцы ведь близко подошли к Кировскому заводу и из орудий часто его обстреливали. Особенно приноровились, когда заканчивались смены рабочих. Страшно, я все время дрожала.

Наш завод танки ремонтировал, также делали бутылки с горючей смесью и снаряды. Крыша у нас в цехе обвалилась. Везде ветер. Станки работают, а люди с замерзающими руками стоят возле них. Очень холодно, и к нам в цех подвезли паровоз, который нас чуть-чуть обогревал. Вот так мы и работали. Я в шубе папиной, комсоставской, с финской войны. Потом я стала слесарем в цехе, где танки ремонтировались. Тяжело давалась работа, но все старались.

Самохвалова Татьяна

В медчасти я получила новые пакеты медикаментов и отправилась в свою часть. По дороге началась бомбежка, и я получила первое ранение. Меня отправили в госпиталь в Ленинград, на Обводный канал, 19. Там я пролежала с 17 сентября до 1 января 1942 года. Город сильно бомбили. Помню, как меня вынесли из операционной, а врач кричит: «Пожалуйста, быстрее в бомбоубежище!» Не успели меня до него донести, как бомба упала прямо в операционную. Погибли все врачи, а я осталась жива. Потом нас, раненых, перевезли в другой госпиталь – на Васильевский остров, в Дом культуры.

Москаленко Нина

Иду по Невскому, смотрю – напротив Казанского собора собралась толпа. Я тоже подошла. Люди шумят. Один голос слышу: «Зерно с грузовиков сыпается в Неву. Продукты грузятся на баржи. Отправляются в Кронштадт». Другой: «А что мы будем есть?» Но в это время над нами чернеет небо. Заполняется каким-то дымом. И все чернеет и чернеет. Люди гадают, что бы могло гореть? Я подумала – горит газовый завод на Обводном.

Я пошла на Лиговку. Вдруг, не доходя до угла Фонтанки и Невского, у Аничкова моста, раздался оглушительный гул. Вылетела стена целиком на Невский проспект. Если бы я раньше чуть-чуть прошла, то была бы под

обломками. Я смотрю – висит ножка от пианино. Болтаются занавески. Если люди были, то они, конечно, остались там навсегда.

На следующий день я пошла в магазин. А там – пустые полки, абсолютно ничего нет. Я узнала, что горели Бадаевские склады. У меня кушать было нечего. Я пришла домой, посмотрела на буфет, начала искать что-нибудь съестное. Нашла старую селедочную голову, сварила ее и съела. Так начался голод.

Даже в истории такой жестокой войны, как Вторая мировая, существовала практика объявления города открытым – противники негласно договаривались, что выдающиеся по культурному значению столицы передаются без сопротивления и разрушений. Открытыми городами объявлялись Париж и Рим. В Ленинграде были те, кто мечтал подобным способом спасти город и себя. Но такого выхода для Ленинграда не было. Гитлер не собирался сохранить ни город, ни его жителей.

Из речи Гитлера 16 сентября 1941 года: «Гнездо заразы – Петербург, из которого столь долго изливался яд в Балтийское море, должен исчезнуть с лица Земли».

Командующий группой армий «Север» фон Лееб не понимал, как выполнить приказ Гитлера. Ожидая капитуляции Ленинграда, он запрашивал командование, что делать с женщинами и детьми? Ответ был однозначен: «Тесно блокировать город и путем обстрела сравнять его с землей. Если будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты. В этой войне, которая ведется не на жизнь, а на смерть, нет заинтересованности в сохранении хотя бы части населения этого большого города».

Но о том, что немцы решили город не брать, в Ленинграде не знали. Город оборонялся изо всех сил, но тайно готовился к немецкой оккупации. Срочно вывозилось все самое ценное: музейные коллекции, военное оборудование, на самолетах эвакуировали ученых и деятелей искусств.

В действие был приведен секретный план «Д»: минировались важнейшие городские объекты и корабли Балтийского флота. В каждом районе собирались специальные тройки: представитель партийного руководства, сотрудник НКВД и офицер-сапер. Если город суждено сдать, то он должен быть в максимальной степени разрушен с тем, чтобы его потенциал не был использован противником.

Из мандата ГКО № 670: «Совершенно секретно. Товарищу Меркулову поручается тщательно проверить дело подготовки взрыва и уничтожения предприятий, важных сооружений и мостов в Ленинграде на случай вынужденного отхода наших войск из Ленинградского района».

ВОСПОМИНАНИЯ:

Макеев Петр

5 сентября я прибыл в Ленинград. К этому времени была организована военно-морская база, а ее командиром назначен адмирал, начальник штаба флота Пантелеев. Мы размещались в Адмиралтействе. Обстановка – очень напряженная, шли слухи о скорой сдаче города. К сдаче готовились и в Смольном, наш адмирал Исаков присутствовал на заседании, где об этом говорили Жданов, Кузнецов и Ворошилов.

6 или 7 сентября меня вызвал командир базы Пантелеев, вручил секретное письмо и приказал поехать на Ржевку, к командиру научно-исследовательского артиллерийского полигона. Приехал. Полковник письмо распечатал, читает: «Подготовить все оборудование научно-исследовательского полигона к взрыву. Никаких телефонных звонков ни от кого не принимать, действовать только тогда, когда прибудет офицер с указанием о взрыве». Он прочитал, посмотрел на меня и говорит: «Ну, дорогой мой, лучше бы ты ко мне не приезжал».

Мой приятель, однокашник Николай Николаевич Ротиев, капитан 3-го ранга, был послан с таким же письмом и с боезарядом на крейсер «Петропавловск», который стоял в порту в угольной гавани.

Было выделено по 20 глубинных бомб для взрывов наших мостов через Неву, создан штаб внутренней обороны города, копали окопы, устраивали огневые точки на вторых этажах, шла подготовка к сдаче.

Если бы немцы заняли Ленинград, им бы достался город, малопригодный для жилья, с разрушенной промышленностью. На случай прихода гитлеровцев создавалось подполье. Его задача: «народное мщение немецким оккупантам в тылу врага». Тыл врага – город Ленинград. Были отобраны надежные, преданные советскому строю люди и ускоренно обучены диверсионной работе. В подполье состояло 260 человек. Чтобы избежать массового провала, организация была разбита на мелкие группы.

12 сентября на самолете в Ленинград прибыл генерал армии Жуков. На аэродроме его никто не встретил. В Смольном караульные заставили ждать. Сталин был настолько раздражен руководством города, что не предупредил о смене командующего Ленинградским фронтом. Ворошилов проводил в Смольном очередное совещание, когда в кабинет внезапно вошел Жуков. К вечеру он взял руководство Ленинградским фронтом на себя.

Штаб фронта располагался в парке Лесотехнической академии. Целая система блиндажей, надземных, подземных сооружений. Рассказывают, когда в 1941-м Жуков впервые прибыл сюда, его удивило количество охраны. «Мне охрана не нужна, – сказал он – всех на фронт».

Некоторые историки писали, что Жуков первым делом отменил минирование города и флота. Мол, город нужно защищать, а не взрывать. Но это всего лишь легенда. Ленинградские рабочие трудились на заминированных заводах до 1944 года.

20 сентября начальник особого отдела Балтийского флота докладывал Жукову: «Подготовка спецоперации проходит неорганизованно, офицеры флота относятся к ней отрицательно. Моряки говорят, что Ленинград готовят к сдаче». Особист перечислил имена. Жуков написал на донесении: «Срочно расследовать, арестовать провокаторов. Доложите, почему такая ответственная работа проходит преступно плохо».

Жуков начал свое командование в Ленинграде с введения заградотрядов и драконовских приказов. Приказ Жукова войскам Ленинградского фронта от 17 сентября 1941 года: «Учитывая особо важное значение в обороне южной части Ленинграда рубежа Лигово – Колпино, Военный совет Ленинградского фронта приказывает: объявить всему командному, политическому и рядовому составу, что за оставление без письменного приказа указанного рубежа все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу».

Из приказа Жукова войскам Ленинградского фронта: «За трусость и дезертирство с поля боя расстрелять перед строем: помощника командира 1-го полка 1-й дивизии народного ополчения, который прибыл в Ленинград с группой военнослужащих в 34 человека, как вышедшей из окружения, и распустил всю группу по домам».

В те дни, когда город был наполнен дезертирами, деморализованными солдатами и офицерами, вышедшими из окружения, такая жестокость, возможно, была необходима для наведения элементарного порядка. Она придавала стойкость обороне, но не могла помочь наступательным операциям.

Один из главных резервов Жукова – Балтийский флот. Из моряков, курсантов и частей НКВД сформировали 6 стрелковых бригад. Корабельные орудия создали артиллерийскую завесу перед наступающим противником. Зенитки вывели на прямую наводку. Германские войска теперь встречал ураган огня.

Крупнокалиберные орудия форта Красная Горка на южном берегу Финского залива близ поселка Лебяжье позволили советским войскам сохранить в своих руках огромный

плацдарм площадью 1000 квадратных километров, так называемый Ораниенбаумский пятанок. Он постоянно приковывал 3–4 немецкие дивизии, но все попытки его уничтожить были тщетными. И 27 сентября немцы перешли на этом участке к позиционной обороне.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Широкогоров Иван

С августа 1941 года нас причислили к 5-й бригаде морской пехоты¹⁵ – это Приморская оперативная группа, обороняющая Ораниенбаумский пятанок. Вначале я был связистом, а потом заместителем политрука роты автоматчиков. Вооружение было хорошее. Нам выдали автоматы Шпагина, ППШ так называемые. Немцы не смогли взять Ораниенбаумский плацдарм. Боевой дух моряков, преданность Родине и наш настрой не позволили им победить. Да и отступать нам было некуда – с трех сторон немцы, четвертая сторона – залив.

Макеев Петр

Жуков приказал командующему Балтийским флотом перебазировать из Кронштадта в Ленинград боевые корабли. Пришли «Киров», «Максим Горький», «Петропавловск»¹⁶, миноносцы, подлодки. Я вместе с гидрографами делал координатные привязки кораблей для стрельбы по невидимой цели, по берегу. Для этого корректировочные посты поставили ближе к линии фронта.

Мой друг, Николай Ротин, был назначен командиром первого корректировочного поста. Он находился на судостроительном заводе имени Жданова. Я к нему потом ходил, проверял этот пост. На высоте 70 метров над эллингом соорудили наблюдательный пункт, закрытый фанерными щитами от ветра. Телефонную связь туда провели, оборудовали дальномером и стереотрубой. Второй ориентировочный пост был установлен на дворце Советов (на Московском проспекте). Морская артиллерия сыграла важную роль, она сорвала сентябрьские наступления немцев. Благодаря, конечно, гениальному руководству командующего Ленинградским фронтом Жукова.

Казаев Петр

От Петергофа до Ольгино и Лисьего Носа были установлены большие деревянные баржи. Раньше по внутренним рекам на них перевозили арбузы, дыни, картошку, дрова, уголь. В войну их мобилизовали, установили зенитные батареи и аэростаты воздушного заграждения. Ночью аэростат поднимался вверх на мощном стальном тросе. Немецкие бомбардировщики крылом или хвостом задевали за этот трос и разбивались.

Пришел я на моем «морском охотнике» с сопровождения очередного конвоя, пошел докладывать оперативникам, говорят: «Моторы не глуши, иди

¹⁵ 5-я бригада морской пехоты сформирована в Кронштадте, в конце августа 1941 года. 25 августа 1941 года подразделения бригады заняли оборонительные позиции севернее Котлов в тылу отступающей 8-й армии, вели бои за Копорье и отступили к Ораниенбауму, где на Ораниенбаумском пятанке сражались до 1942 года.

¹⁶ Крейсера Балтийского флота. «Киров» участвовал в Таллинском переходе. Вел артиллерийский огонь из Кронштадта по наступающему противнику. С 24 сентября 1941 года находился в Ленинграде. «Максим Горький» отражал многочисленные авианалеты на Кронштадт, действовал при подавлении сентябрьского штурма Ленинграда. Участвовал в обороне и прорыве блокады в составе 2-й группы, базировавшейся в Торговом порту. Тяжелый крейсер «Петропавловск» к началу войны не был достроен, использовался в качестве плавучей батареи. 17 сентября 1941 года поврежден при артобстреле и затонул.

на охрану морского канала и плавучих батарей». Ну, полный вперед, прошли до морского канала. Я зашел сначала в ограждение канала, смотрю, осколки полетели по верхней палубе, что такое – не пойму. Там домик был, увидел человека, подошел, спрашиваю. Он говорит, что немец уже в Стрельне, у Петергофа. И на южной дамбе у него замаскирована батарея. Не успел переговорить с ним, а плавучая батарея, ближайшая к Петергофу, загорелась. Боезапас, патроны начали рваться. Стали эвакуироваться они в шлюпку, и в шлюпку на моих глазах попал снаряд. Море крови. Ну, закрыл я дымзавесой с «морского охотника», убитых, раненых, живых, – всех подобрал. Скорые помощи стояли у моста лейтенанта Шмидта. Туда привез убитых-раненых, а врач скорой помощи раненых берет, убитых – нет, как я ему ни объяснял, что идет бой и мне надо туда. Довел меня до белого каления. Вынимаю пистолет и говорю: «Если не возьмешь убитых – ляжешь рядом с ними». Забрал. А я обратно. Опять дымзавесой батареи закрывал, и так до ночи.

Дали мне задание идти к мысу между Капорской и Лужской губой, а это высокогорный мыс. Наверху немцами были устроены дальноточные крупнокалиберные батареи. Нужно было вызвать огонь на себя – засечь эти батареи, чтобы авиация их разбомбила. Я пришел туда, маневрировал, но немцы огонь не открывали – катеришко им как цель был неинтересен. Я подошел ближе к берегу, открыл огонь веером по предположительному местонахождению этих батарей. Как говорится, раздражил. Дал немец первый залп – недолет. Я поймал пеленг, забежал в рубку записать показания. Следующий залп меня накрыл. Три осколка меня задел. Тогда были не шариковые авторучки, а чернильные, с баллончиком внутри. Вот осколок эту ручку разбил и на пальце шрам остался, для памяти. Второй осколок в височную кость врезался, но глаз оказался цел. Третий осколок – в ногу.

Во время боя ничего не чувствуешь. И ранений тоже. А уже после боя возвращался в Кронштадт, чувствую: правой ногой тепло. Сапог снял, а там полсапога крови. Вот так моя служба на «морских охотниках» и закончилась.

Казаев Петр

Морозов Михаил

Немец в Петергофе, в Стрельне, в Урицке. А Урицк – 7 километров от границы Питера. И шесть танков немецких пришли на территорию Кировского завода. А девушки наши, кондукторши, немецких офицеров возили из Урицка до Стрельны на трамваях. У нас на передовой не хватало бойцов. Питер находился на тоненьком волоске от гибели. Я Питером называю его по привычке. Когда еще мы служили на «Марате», у нас все матросы Ленинград Питером называли.

Специально для «Марата» земснарядом выкопали углубление в морском канале. И нас поставили туда. Наша задача была по просьбе фронта открывать огонь там, где крупное скопление немцев.

Орудия «Марата» били на расстояние от 45 до 48 километров. Стреляли по Пулкову, в Пушкин доставали. С самых первых дней войны у нас на передовую были отправлены бойцы для корректировки огня, чтобы знать, попадаем ли по цели.

В сентябре город минировали на случай сдачи. Все мосты, заводы, крупные предприятия были заминированы. На всех точках стояли подрывники. У нас на «Марате» два погреба – полностью заминированы, загружены торпедными головками. А что значит взрыв торпеды, сами представляете. На случай сдачи города мы были проинструктированы, как действовать, чтобы врагу ничего не досталось.

На Неве много кораблей стояло. Они обороняли дальние подступы к Питеру. А в районе Финского залива обороняли крупные корабли, которые не могли войти в Неву. И вся эта огневая мощь ударила по немцам.

В 10 часов вечера 15 сентября немец бросает листовки над Питером: «Ленинград раздолбаю, "Марат" в землю закопаю». О, для нас – это очень страшное предупреждение. Нам деться некуда. Как поставили «Марат» в ковш-канаву, у нас немец половину артиллерии зенитной вывел из строя. Некому защищать нас.

На южном направлении Ленинград прикрывали орудия Кронштадтских фортов, линкоров «Марат» и «Октябрьская революция». На уничтожение их были брошены все силы немецкой авиации. 21 сентября на аэродром Тирково, южнее Луги, прибыл груз 1000-килограммовых бомб со специальным детонатором замедленного действия. В воздух поднялось звено пикирующих бомбардировщиков Ю-87 «Штука». Один из «юнкерсов» пилотировал знаменитый немецкий ас Ганс Рудель. Небо над Финским заливом насквозь простреливалось зенитками. Позже Рудель вспоминал: «Оборона была просто убийственной, нигде потом в ходе войны я не видел ничего подобного».

Но самолет Руделя неожиданно вынырнул из облаков и с высоты 300 метров произвел прицельное бомбометание. Бомба пробила палубу линкора «Марат» и достигла боезапаса. От страшного взрыва корабль раскололся надвое. Облако дыма поднялось на несколько сотен метров. Погибло 600 человек. Лишившийся носовой части линкор «Марат» позже переоборудовали в береговую батарею, и его орудия продолжали бить по немцам.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Морозов Михаил

21 сентября корабль стрелял по немцам. Вдруг – взрыв и резко крен на правый борт. И мертвая тишина. Мы, машинисты и кочегары, больше всего боимся пробойны паропровода – всех заживо сварит сразу. Звоню по

телефону, молчок. В правый холодильник звоню, тоже никто не отвечает. Я юнгу посылаю наверх. Он обратно бежит, кричит: «Нос оторвало!» Я говорю: «Не может быть. Иди, еще посмотри!»

Обратно бежит, кричит: «Личному составу срочно покинуть "Марат"». Ой, думаю, это серьезно. Ребятам крикнул: «Срочно наверх!» Все ушли, а я с фонариком подхожу к трапу. Поднялся на правый борт. Один люк открыт и видно на той стороне корабля свет. Пошел к четвертой башне. Там попросили помочь развернуть башню. Развернули ручным приводом, по нолям поставили, поднялся наверх. Зенитчики просят помочь снаряды поднести. Натаскал им быстро снарядов. Смотрю: бачок с макаронами стоит у них. Я говорю: «Ребята, а где вы макароны брали?» – «На камбузе». Я беру миску, ложку, иду на камбуз. Прихожу – а за камбузной переборкой нет ничего. Три орудия 12-дюймовых лежат, полубак прикрыли. Крышки башен нет. А крышка как-никак 47 тонн весом. Ее унесло куда-то. И стакан башни разворочен. Развалился на части. Когда стал переступать на камбузную палубу, смотрю: человек лежит. Что поразило меня – совершенно голый, ничего на нем нет. Воздухом его раздавило. Зачерпнул миской макароны из котла, съел и пошел на выход. Небо все в огне, взрывы, самолеты летают чуть ли не над головой. Бросают бомбы по берегу, по кораблям.

Дальше началось восстановление корабля. Быстро при помощи морского завода носовую часть обрезают, переборку загерметизировали, вторую башню ввели в строй. Первую башню разрушили, ее уже возродить нельзя было. Корабль стал жить новой жизнью.

Казаев Петр

Во время этого налета 270 самолетов на Кронштадт напало. Можно сказать, что он был самым мощным и трагическим. Я стоял на Кроншлоте в готовности номер один, с заведенным мотором, для оказания первой помощи пострадавшим кораблям. На большом рейде стоял «Минск». (Он уже был от авиации поврежден.) Подошел к нему, снял убитых и раненых. У командира спрашиваю, как обстановка, сколько продержишься. Он, не знаю, говорит, сколько продержусь.

Когда я уходил из Кроншлота, мне помощник сказал, что на «Марате» фок-мачты не видно. Захожу в гавань, действительно, – у «Марата» фок-мачты нет, первой башни нет, море крови. Тут и люди плавают, и кровь плавает. Я забрал раненых и убитых, и тут же мне команда – на восточный рейд. Там стоял эсминец «Стерегающий», тоже подбит. Забираю раненых и у него, спрашиваю у командира, как дела. Отвечает: «Не знаю, сколько продержусь, давай быстрее буксиры». Не успел я метров пятьдесят отойти от него, он на моих глазах на левый борт лег. Полпалубы наверху оказалось. Я подошел опять, снял личный состав, сколько мог. И повез людей на Арсенальную пристань. Это первый налет у меня был. Бой изумительный. И красивый, и трагичный. Артиллерия наша зенитная, все корабли, все береговые пушки открыли огонь. Небо сплошь в разрывах, осколки в воду падали. На поверхности воды – как будто бы крупный град идет. Вся поверхность в этих всплесках от осколков.

Бомбежка «Марата» послужила взлету карьеры летчика Ганса Руделя. Воюя на Восточном фронте, он будет признан лучшим пилотом люфтваффе, станет другом Гитлера и получит высшую награду Третьего рейха – Рыцарский крест с золотыми дубовыми листьями,

мечами и бриллиантами. В апреле 1945 года, в госпитале, Руделя посетит министр пропаганды Геббельс, который скажет, что знает, как спасти осажденный Берлин. Секрет прост: надо сражаться, как ленинградцы.

Из воспоминаний Руделя: «Геббельс сравнивает Берлин с Ленинградом. Он указывает на то, что этот город не пал, потому что все его жители превратили в крепость каждый дом. И то, что смогли сделать жители Ленинграда, смогут сделать и берлинцы».

Мы сегодня знаем, что не смогли.

Глава 3

Несомкнутое кольцо

Ксередине сентября 1941 года самыми опасными направлениями командование Ленинградского фронта считало Лигово и Пулковские высоты. Жуков полагал: именно здесь ключ к Ленинграду. Пулковские высоты – последняя возвышенность перед городом. Отсюда он, как на ладони, его можно расстреливать в упор. Дальше только капустные поля и Международный проспект, ныне Московский. Высоты защищали 5-я и 6-я дивизии народного ополчения. От артобстрелов и бомбежек окопы и землянки ровнялись с землей, Пулковская обсерватория превратилась в руины. Но ополченцы держались. И здесь же, на Пулковских высотах история Ленинградского ополчения закончилась. 23 сентября 1941 года был последний крупный штурм высот. Ополченцы его отбили, в очередной раз доказав свою боеспособность. И в этот же день дивизии народного ополчения реорганизовали в регулярные части Красной армии.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Дадаев Александр

Я сначала воевал под Ропшей, потом отходил к Стрельне. Нашу роту присоединили к артиллерийскому полку, мы вместе обороняли позиции. Снарядов было мало, их приберегали для стрельбы прямой наводкой. Когда снаряды закончились, мы вынуждены были снять замки с орудий (каждый весил 29 килограммов) и утопить эти замки в реке, чтобы немцы не смогли воспользоваться нашими орудиями.

Мы дошли до Петергофского шоссе. По нему от Ораниенбаума в сторону Ленинграда шли и военные, и гражданские. Немцам не удалось захватить Ораниенбаум. Они захватили Петергоф и остановились в двух километрах от Кировского завода. Сами немцы понимали, что войти в город трудно, сил не хватит. Под Пулковом их остановили армия народного ополчения и регулярные артиллерийские батальоны. Много моих товарищей по университету полегло в этих батальонах.

Пчелов Борис

После выхода из окружения под Лугой мы участвовали в боях на ближних подступах к Ленинграду, защищали Пулковое, Колпино, Ивановское, Отрадное, Усть-Ижору, Усть-Тосно. На этих рубежах мы вели ожесточенные бои, а немцы рвались к городу.

Когда Жуков приехал, он фашистов остановил. Он принял следующие меры: многих командиров частей и соединений заменил, послал на фронт моряков Балтийского флота, которые после Таллинского знаменитого перехода стояли здесь, зажатые в заливе, и по сути дела активно не действовали, издал приказ «Ни шагу назад». Я цитирую почти дословно слова Жукова: «За самовольное оставление рубежа Пулковские высоты – Шушары – Колпино – Московская Славянка – Корчино – Усть-Тосно – Усть-Ижора все лица подлежат расстрелу». И вы знаете, это подействовало.

Наша дивизия остановила фашистов на Пулковских высотах. Там много захоронено наших солдат и офицеров. Шушары, Пушкин, Павловск были уже сданы, Гатчина сдана. Немец подходил к Ижорскому заводу. Обстреливали немцы, конечно, завод из дальнбойных орудий, но взять ни завод, ни Колпино не смогли. Большую роль сыграл отдельный стрелковый Ижорский батальон.

Муштаков Порфирий

На Лужском рубеже меня ранили. Лечился я в больнице Мечникова, но не долго. Поправился немного и отправился обратно. Воевал я в 3-й дивизии народного ополчения¹⁷. Командир дивизии – полковник

¹⁷ 3-я стрелковая дивизия народного ополчения была сформирована из рабочих и служащих Фрунзенского,

Котельников, начальник артиллерии – полковник Михаил Александрович Никольский, после войны он стал начальником штаба ракетных войск стратегического назначения. Народное ополчение было организовано неплохо – сформированы роты, батальоны, полки. Среди ополченцев сражались инженеры, техники, рабочие, служащие и ученые. Был такой Четыркин, кандидат технических наук, и он уже имел орден, еще до войны. Хорошо воевал, но погиб под Тихвином, ему челюсть оторвало, умер мгновенно. Другой был – Феридков, тоже кандидат технических наук, из ЛЭТИ. Он погиб у меня на глазах под Киришами, его накрыло взрывом. Хорошие были ребята...

Наша дивизия вышла на рубеж Петергоф – Красное Село. Уже 8 сентября мы сражались вместе с 5-й дивизией народного ополчения¹⁸ на этом рубеже. И в результате немецкий танковый клин не прошел на Кировский завод. Это было на линии Лигово – Урицк. Ворошилов тогда о нашей дивизии говорил (в документах Генерального штаба зафиксировано), что подразделения 3-й гвардейской дивизии народного ополчения сражались героически.

В эти тяжелые дни, 8 и 9 сентября 1941 года наша дивизия подбила 27 танков. Если бы не были уничтожены эти танки, то немцы подошли бы к Кировскому заводу. А ведь это важнейший стратегический объект.

Смирнов Юрий

В середине декабря 1941-го меня направили в 168-ю дивизию, в 402-й стрелковый полк. Полк находился на отдыхе в деревне Манушкино, на правой стороне Невы, напротив Невского пятачка. Части пополняли, хотели направить на Невский пятачок уже боеспособную дивизию. Но 27 декабря поступил приказ командования Ленинградским фронтом дивизию перебросить на Ораниенбаумский плацдарм. Там дивизия находилась до 1944 года, до момента полного снятия блокады.

Приморского и Выборгского районов. С 15 июля 1941 года действовала в районе Петергофа – Красного Села – Пулково.

¹⁸ 5-я Ленинградская стрелковая дивизия народного ополчения Куйбышевского района. С 9 по 24 сентября 1941 года оборонялась в районе Пулково – Лигово.

Смирнов Юрий

Я не могу сказать обо всем народном ополчении, но точно знаю, что в Гатчинском укрепрайоне действительно немцев задержали 2-я и 3-я гвардейские дивизии народного ополчения и отдельный артиллерийско-пулеметный батальон.

Жуков – это величина, он приехал к нам и войска ленинградского фронта остановили немца, не дали ворваться ему в город. Ведь 8 сентября, когда замкнулось кольцо, немецкие войска пытались штурмом овладеть Ленинградом, Жуков же здесь был и принял ряд решительных мер. Ленинград отстояли. Мы считаем, что это заслуга Жукова.

Краснопеев Иннокентий

Вот сколько лет прошло после войны, а я твердо уверен, что Ленинград отстояли народные ополченцы. Это удивительно, как стойко сражались бывшие студенты, профессура, интеллигенция, рабочие. Ведь под Лугой впервые за время войны немцы были вынуждены перейти к обороне. Эти малообученные войска заставили немцев обороняться и смогли остановить их. Вот многие говорят, что Жуков отстоял Ленинград. Я так не считаю. Правда в том, что народ отстоял город.

О полководческих дарованиях самого знаменитого военачальника Великой Отечественной войны существуют два противоположных мнения. Одни считают его военным гением, человеком, победившим Гитлера. Другие, а среди них такие разные люди, как Иосиф Сталин, Никита Хрущев и Виктор Суворов (Резун), полагали, что слава Жукова чрезмерно раздута. Его стратегические таланты сомнительны, воевал не умением, а числом. Выдающейся у него была разве что жестокость. Также противоречиво оценивается и деятельность Георгия Константиновича в сентябре-октябре 1941 года, когда он руководил обороной Ленинграда.

Совершенно очевидно – Жукову не удалось выполнить прямого указания Сталина. Генеральный секретарь требовал прорвать блокаду города, чтобы установить связь Ленинграда с Большой землей или хотя бы вывести, спасти армию.

«Мы требуем от вас решительных и быстрых действий. Сосредоточьте дивизий 8–10 и прорвитесь на восток. Это необходимо и на тот случай, если Ленинград будет удержан, и на случай сдачи Ленинграда».

Сталин не зря приказывал срочно прорываться на восток. В сентябре самое слабое место немцев – Шлиссельбургско-Синявинский выступ: здесь их полоса обороны не превышала в ширину 20 километров. Ее удерживали только две немецких дивизии, они еще не успели зарыться в землю, построить долговременные укрепления. Именно здесь Ставка решила нанести удар по войскам вермахта. Со стороны Ленинграда прорыв должны были осуществлять войска под командованием Жукова. Со стороны Волхова – войска отдельной 54-й армии под командованием маршала Григория Кулика. Еще 2 сентября Ставка отдала приказ о формировании 54-й армии, которая должна была расположиться в районе Новой Ладogi, Тихвина и Волхова.

ДОСЬЕ:

Кулик Григорий Иванович. В царской армии служил унтер-офицером, у красных командовал артиллерией под Царицыно. В 20-е годы Кулик воевал в Первой конной армии, главной сталинской кузнице кадров – отсюда вышло четыре маршала из пяти: Буденный, Ворошилов, Тимошенко и сам Кулик. В 30-е годы Кулик сделал блестящую карьеру: воевал в Испании, на Халхин-Голе, артиллерия под его командованием прорывала линию Маннергейма. Именно после финской кампании Кулик стал Героем Советского Союза и маршалом.

То, что маршалу дали всего лишь армию, а не фронт или направление, не было случайностью. В 1940 году жена Кулика была заподозрена в шпионаже. Маршала решили не огорчать: его супругу тайно похитили и расстреляли, самому же военачальнику объявили, что она пропала без вести. Начало Великой Отечественной Кулик встретил на западном фронте в Белоруссии, попал в окружение, месяц плутал по лесам и в итоге сумел выйти к своим. Теперь на нем было два пятна – жена-изменница и пребывание во вражеском тылу. Командование 54-й армией – шанс спасти карьеру.

По южному берегу Ладожского озера проходила тогда единственная дорога, по которой с петровского времени Петербург связывался со страной – бывший Путиловский тракт.

Именно по нему 10 сентября 54-я отдельная армия начала наступление. Однако мощного концентрированного удара в этом направлении Кулик нанести не мог, при всем своем желании. Значительная часть его армии, в соответствии с распоряжением Ставки, должна была вести наступление на юг, по линии Гайтолово – Мга, сквозь непроходимые Синявинские болота. Две группировки наступали практически под прямым углом по отношению друг к другу. Кроме того, войска бросались в бой неподготовленными, сразу по прибытии, с воинских эшелонов. Поддержки авиации практически не было. По воспоминаниям ветеранов, советские танки уничтожались с воздуха, даже не успев дойти до передовой. Эффективно воевать удавалось только ночью. В результате, наступление захлебнулось в крови. За 4 дня боев 54-я армия потеряла 10 тысяч человек.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Мохов Ростислав

До войны я был студентом Политехнического, с начала войны ушел в армию. Меня отправили в отряд противохимической защиты, но химоружие не применялось, и нас должны были переформировать, но тут начался сыпной тиф. Все опасались эпидемии. Слово «тиф» нельзя было произносить – можно было угодить под трибунал, надо было его называть – форма № 3. Но с тифом мне не удалось побороться, потому что меня определили на легкий танк Т-60. Это вообще не танк, а недоразумение. Он сделан на скорую руку, броня тонкая, двигатель по мощности слабый, заводить его очень сложно. Мы этот танк прозвали – «жужу», «на страх врагу и на смерть экипажу». Я был механиком-водителем на нем. Мы стояли на Волхове, неожиданно нас подняли по тревоге и перебросили в район Мги. Тут начиналось наступление. У нас было мало танков: всего четыре КВ и 12–15 Т-34. Нам поставили задачу прорваться около деревни Гайтолово и выйти к Неве, а там со стороны Невы к нам должны были присоединиться войска Ленинградского фронта. Операция началась очень успешно. Прошли, наверное, километров 5–6 в глубину. Была чудесная погода – солнце, тепло. И вот примерно на пятый или шестой день появились немецкие самолеты «юнкерсы», и началась бомбежка. Наступление прекратилось, мы оказались отрезаны от своих.

Как-то утром был налет «юнкерсов». Мы их называли «музыкантами», потому что они, пикируя, включали сирены, и было очень жутко. Мы залегли под своим танком и вдруг я вижу: открывается люк Т-34, из него вылезает наш командир, вытаскивает пулемет и устанавливает его. И когда «юнкерсы» пошли на второй заход, он в упор расстрелял один из них, и тут он упал недалеко от нас и взорвался. Вот так: одни боятся, а другие дело делают.

Маршал Кулик понял, что здесь, в Синявинских болотах, ему пригодится опыт финской войны. Он взял оперативную паузу, чтобы подтянуть артиллерию, массировать пехоту, обеспечить авиационную поддержку, отработать взаимодействие родов войск. Но 15 сентября в штаб 54-й армии позвонил генерал Жуков и потребовал наступать немедленно, без всякой подготовки. Генерал поучал маршала: «Ясно, что вы прежде всего заботитесь о благополучии 54-й армии, и вас недостаточно беспокоит создавшаяся обстановка под Ленинградом. Думаю, на вашем месте Суворов поступил бы иначе». В тот же день Жуков доложил Сталину о преступной нерешительности Кулика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.